

РЕЧЕ ГОСПОДЬ...

ТОЛКОВАНИЯ
НА ЕВАНГЕЛЬСКІЕ ПРИТЧИ

Дарья И. Болотина
Ольга Евгеньевна Голосова
«Рече Господь...» Толкования
на Евангельские притчи
Серия «Свет Христов просвещает всех»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071431

*«Рече Господь...» Толкования на Евангельские притчи : [сборник] /
[сост. : О. Е. Голосова, Д. И. Болотина]: Лепта Книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-91173-247-9*

Аннотация

Одно из вероучительных сокровищ христианства – притчи, произнесенные Христом перед апостолами и народом. Спаситель излагал Свое учение в форме иносказательных историй по нескольким причинам. Во-первых, Он говорил о глубоких духовных истинах, постичь которые было не легко Его слушателям. А конкретный и яркий рассказ, почерпнутый из жизни, мог запомниться на многие годы, и человек, старающийся понять смысл этого рассказа, мог размышлять о нем, углубляться в его содержание и, таким образом, постепенно понять скрытую в нем мудрость. Во-вторых, притчи имеют то преимущество перед прямым поучением, что они не только содержат в себе общий

Божественный закон, но и демонстрируют его применимость в реальной, повседневной человеческой жизни. И, наконец, в-третьих, люди, не вполне понимающие учение Спасителя, могли бы по своему перетолковать его, распространяя его в искаженном виде. Притчи же сохраняли чистоту учения Христова. Мы предлагаем в уникальное издание, в котором под одной обложкой собраны наиболее авторитетные толкования всех притч Спасителя, от святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, блж. Феофилакта Болгарского до таких выдающихся проповедников XX столетия, как свт. Лука Крымский и архиеп. Аверкий (Таушев).

Содержание

Притча о сеятеле	7
Свт. Григорий Двоеслов (по св. евангелисту Луке)	11
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)	16
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Марку)	20
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Луке)	23
Феофан Керамевс (по св. евангелисту Луке)	26
Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)	36
Свт. Василий (Кинешемский) (по св. евангелисту Марку)	44
Архиеп. Аверкий (Таушев) (по всем евангелистам сразу)	64
Архим. Иоанн (Крестьянкин) (по св. евангелисту Марку)	68
Архим. Кирилл (Павлов) (по св. евангелисту Луке)	81
Притча о плевелах	87
Свт. Иоанн Златоуст	89
Блж. Феофилакт Болгарский	94

Свт. Филарет Московский	97
А. П. Лопухин	106
Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)	108
Архиеп. Аверкий (Таушев)	111
Прот. Виктор Потапов	112
Притча о горчичном зерне	118
Блж. Иероним Стридонский (по св. евангелисту Матфею)	119
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)	122
Евфимий Зигабен (по св. евангелисту Матфею)	123
Свт. Василий Кинешемский (по св. евангелисту Марку)	125
Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Рече Господь... Толкования на Евангельские притчи

***О. Е. Голосова,
Д. И. Болотина***

© «Издательство «Лепта Книга», оформление, 2011.

Притча о сеятеле

И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возишло, потому что земля была неглубока. Когда же возишло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю

вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать (Мф. 13, 3—23).

Слушайте: вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. И сказал им: кто

имеет уши слышать, да слышит! Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче. И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи. И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи? Сеятель слово сеет. Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их. Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат (Мк. 4, 3–20).

<...> вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую зем-

лю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! (Лк. 8, 5–15).

Свт. Григорий Двоеслов (по св. евангелисту Луке)

Чтение Св. Евангелия, которое вы, возлюбленная братия, теперь только слышали, не имеет надобности в объяснении, но (имеет надобность) в увещании. Ибо того чтения, которое изъяснила Сама Истина, человеческая слабость изъяснить не берется. Но в самом этом Господнем объяснении есть, на что вы должны обратить тщательное внимание, потому что, если бы мы говорили вам, что семя есть слово, поле – мир, птицы – демоны, терния – богатство, то могло бы статься, что ваш умосомнился бы поверить нам. Поэтому-то и благоволил тот же Господь лично изъяснить то, что говорил <...> Ибо кто когда поверил бы мне, если бы я захотел терния объяснять богатством, особенно, когда те укалывают, а эти наслаждаются? – И однако же (богатства) суть терния, потому что укалываниями своих помыслов мучат дух, а когда доводят до греха, тогда окрывают, как бы нанесенною ранюю. <...> Но истинное богатство есть то, которое обогащает нас добродетелями. Итак, возлюбленная братия, если вы желаете быть богатыми, то любите истинное богатство. <...>

Слова Господни, принимаемые слухом, удерживайте в уме. Ибо Слово Божие есть пища ума. И как бы принятая пища, при изнеможении желудка, выбрасывается вон, когда слышанное слово не удерживается в желудке памяти. Но кто

пищи не удерживает, того жизнь действительно в опасности. Итак, страшитесь опасности вечной смерти, если вы, хотя и принимаете пищу святого увещания, но не удерживаете в памяти слов жизни, т. е. пищи для оправдания. <...> Итак, старайтесь, чтобы принятое слово пребывало в ухе сердца. Старайтесь, дабы семя не падало при пути, дабы не приходил злой дух и не уносил слова из памяти. Старайтесь, дабы семя принимала не каменистая земля и не произращала плода доброго дела без укоренившихся корней. Ибо многим нравится то, что они слушают: они предполагают начало доброго дела, но как только начнут подвергаться несчастьям, тотчас оставляют начатое. Итак, каменистая земля не имела влаги, она не довела до плода постоянства того, что произрастила. Ибо многие, когда слушают против скупости, тогда осуждают эту самую скупость, хвалят презрение всех вещей, но как только душа их увидит то, к чему имеет сильное пожелание, тотчас забывает о том, что хвалила. Многие, когда слушают слово против похотливости, не только не желают творить осквернений плоти, но и краснеют за те, которые совершили, но как только является на глаза их вид плоти, тотчас ум увлекается к пожеланию так, как будто бы им доселе еще ничего не было решено против этих самых пожеланий, – и делает такие преступления, о которых помнит, что он решил и сам осудил. Часто также мы сокрушаемся о проступках; и однако же, после сокрушения, возвращаемся к тем же самым проступкам. <...>

Но надобно заметить, что Господь в Своем изъяснении говорит, что заботы, богатство и сласти житейские заглушают слово. Заглушают потому, что своими неблагоприятными помыслами захватывают горло ума, и когда не позволяют входить в сердце доброму желанию, тогда как бы убивают вход жизненного дыхания. Надобно заметить еще, что к богатству Он присоединяет два (препятствия), – именно: заботы и сласти житейские, потому что сии действительно и стесняют дух заботливостью, и производят необузданность избытком. <...>

Но добрая земля возвращает плод *терпением* именно потому, что совершаемые нами добрые дела ничтожны, если мы не равнодушно еще переносим пороки ближних. Ибо чем выше кто взошел на степень совершенства, тем более он находит в мире сем того, что с трудом переносить должно, потому что, когда любовь нашего сердца отрешается от настоящего века, тогда возрастает несчастье со стороны того же самого века. Ибо от этого-то и происходит, что мы видим многих, делающих добро, и однако же тяготящихся под тяжелым игом напастей. Ибо, хотя они уже бегают земных желаний, однако же биемы бывают жесточайшими ударами. Но, по слову Господню, они приносят плод в терпении, потому что если они смиренно приемлют удары, то после ударов принимаются в небесное успокоение. Так виноград истоптывается ступнями и превращается во вкусное вино. <...> Итак, кто желает совершенно победить пороки, тот должен

стараться со смирением переносить удары своего очищения, чтобы после тем чище предстать пред Судию, чем более ныне огонь бедствия очищает его ржавчину.

<...> Был некто, по имени Сервул, которого многие из вас вместе со мною знали, бедный вещами, богатый заслугами, продолжительная болезнь которого состояла в расслаблении. <...> Для прислуги ему находилась при нем мать с братом, и что только мог он получать от милостыни, то руками их раздавал бедным. Грамоты он вовсе не знал, но купил себе книги Св. Писания, и в больнице, принимая некоторых набожных людей, заставлял их читать непрестанно перед собою. И случилось то, что он, по мере своей, вполне изучил Св. Писание, тогда как совсем, как я сказал, не знал грамоты. В болезни он всегда старался благодарить Бога, возносить песнопения и хвалы Ему в продолжение дней и ночей. <...> И когда пел с ними и сам умирающий, тогда он вдруг остановил голоса поющих, со страхом великого вопля говоря: «Молчите! Разве вы не слышите, какие хвалы воспевают на небе?» Когда же он устремил ухо сердца к этим самым хвалам, которые слышал внутренне, тогда эта святая душа отрешилась от тела. Но при исходе ее там разлилось такое благоухание, что все, там бывшие, наполнились неоценимою приятностью так, что по этому явно признали, что хвалы приняли ее на небе. <...> Вот какой кончиной вышел из этой жизни тот, кто равнодушно перенес удары в настоящей жизни! Итак, по глаголу Господню, в терпении произ-

ращает плод добрая земля, которая, будучи вспахана сохою учения, достигает жатвы воздаяния. Но прошу вас, возлюбленнейшая братия, обратите внимание на то, какое извинение на оном праведном суде будем иметь мы, которые, будучи ленивы на добрые дела, имеем и вещи, и руки, если бедный и безрукий исполнил заповеди Господни! <...> Вы, братия, делайте вот что сами с собою: так поощряйте себя к доброму деланию, чтобы, кого только из добрых вы предназначаете себе для подражания, иметь вам возможность тогда быть и соучастниками его.

Григорий Великий Двоеслов, свят. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М: «Паломник», 1999.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)

Господь сел в лодку, чтобы ко всем слушателям стоять лицом и чтобы все слышали Его. И с моря уловляет Он тех, кто находится на земле.

Простому народу на горе говорит без притчей, здесь же, когда перед Ним находились коварные фарисеи, говорит притчами, чтобы они, хотя бы и не понимая, поставили Ему вопрос и научились. С другой стороны, им, как недостойным, и не должно было предлагать учение без покровов, ибо не должно *бросать бисера пред свиньями*. Первой притчей говорит такой, которая делает слушателя более внимательным. Поэтому слушай!

Под сеятелем разумеет Самого Себя, а под семенем – Свое слово. Вышел же Он не в определенном месте, ибо был везде; но так как Он приблизился к нам плотью, поэтому и говорится *вышел*, разумеется – из недр Отца. Итак, Он вышел к нам, когда сами мы не могли прийти к Нему. И вышел, чтобы что сделать? Зажечь ли землю по причине множества терний или же наказать? Нет, но для того, чтобы сеять. Семя Он называет Своим, потому что и пророки сеяли, но не свое семя, а Божие. Он же, будучи Богом, сеял собственное семя, ибо не благодатью Божией был умудрен, но Сам был мудрость Божия.

Под упавшим *при дороге* разумеются люди беспечные и медлительные, которые совершенно не принимают слов, ибо мысль их – утопанная и сухая, совершенно невспаханная дорога. Поэтому птицы небесные, или духи воздушные, то есть демоны, похищают у них слово. Упавшие на каменистую землю – это те, которые слушают, но, по причине своей слабости, не противостоят искушениям и скорбям и продают свое спасение. Под воссиявшим солнцем разуме́й искушения, потому что искушения обнаруживают людей и показывают, подобно солнцу, сокровенное. Это – те, которые заглушают слово заботами. Ибо хотя богатый, по-видимому, и делает доброе дело, однако его дело не растет и не преуспевает, потому что ему препятствуют заботы.

Три части посева погибли и только четвертая спаслась, потому что спасаемых вообще немного. О доброй земле говорит после, чтобы открыть нам надежду на покаяние, ибо хотя бы кто был каменистой землей, хотя лежал бы при дороге, хотя был бы тернистой землей, ему можно сделаться доброй землей. Не все из принявших слово приносят плод наравне, но один приносит сто, может быть, тот, кто обладает совершенной нестяжательностью; другой – шестьдесят, может быть, общежительный монах, занятый еще и практической жизнью; третий приносит тридцать – человек, который избрал честный брак и усердно, как только можно, проходит добродетели. Обрати внимание, как благодать Божия принимает всех, великое или среднее, или малое совершили они.

<...> Видя многую неясность в том, что сказал Христос, ученики, как общие попечители народа, приступают к Господу с вопросом. Он же говорит: *вам дано знать тайны*, т. е. так как вы имеете настроенность и стремление, то вам дано, а тем же, кто не имеет старания, не дано. Ибо получает тот, кто ищет. *Ищите*, – сказал, – *и дастся вам*. Смотри же, как здесь Господь сказал притчу, а приняли ее одни только ученики, потому что они искали. Итак, хорошо, скажем, что тому, кто имеет старание, дается знание и приумножается, а у того, кто не имеет старания и соответственной мысли, взято будет и то, что он думал иметь, то есть если кто и малую искру добра имеет, то и ту погасит, не раздувая ее духом и не зажигая духовными делами.

Обрати внимание! Ибо здесь разрешается вопрос тех, которые говорят, что злые бывают по природе и от Бога. Они говорят, что Сам Христос сказал: *вам дано знать тайны, иудеям же не дано*. Говорим вместе с Богом к говорящим это: Бог дает всем возможность по природе разуметь должное, ибо Он просвещает всякого человека, приходящего в мир, а наша воля омрачает нас. Это и здесь отмечается. Ибо Христос говорит, что видящие естественными глазами, то есть созданные от Бога, чтобы понимать, не видят по своей воле и что слышащие, т. е. от Бога созданные, чтобы слышать и разуметь, не слышат и не разумеют по своей воле. Скажи мне: не видели ли они чудес Христа? Да, но сами сделали себя слепыми и обвинили Христа, ибо это и значит: *видя не*

видят. Поэтому Господь приводит и пророка как свидетеля.

<...> Увещает нас разуместь то, что говорят учителя, чтобы и мы не уподобились находящимся при дороге. Так как дорога – Христос, то находящиеся при дороге – те, которые вне Христа. Они не на дороге, но вне этой дороги.

О скорбях сказал потому, что многие, подвергаясь скорби от родителей или от каких-либо несчастий, тотчас начинают богохульствовать. Относительно же гонений Господь сказал ради тех, кто делается жертвой мучителей.

Не сказал: *этот век заглушает*, но *забота века сего*, не *богатство*, но *обольщение богатства*. Ибо богатство, когда оно бывает раздаваемо бедным, не заглушает, но умножает слово. Под терниями же разумеются заботы и роскошь, потому что они возжигают огонь похоти, равно и геенны. И как терние, будучи остро, впивается в тело и с трудом может быть извлечено оттуда, так и роскошь, если она овладевает душою, впивается в нее и едва может быть искоренена.

Различны виды добродетели, различны и преуспевающие. Обрати внимание на то, что в притче есть порядок. Ибо прежде всего нам должно услышать и уразуметь слово, чтобы мы не были подобны тем, которые находятся при дороге. Затем должно прочно хранить слышанное, потом – быть не любостыжательными. Суди, какая польза, если услышу и сохранию, но любостыжанием заглушу?

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Блж. Феофилакт Болгарский **(по св. евангелисту Марку)**

Хотя, казалось, и отослал Мать Свою, однако, опять повинуется Ей, ибо ради Нее выходит к морю. Садится в лодку для того, чтобы, имея перед глазами всех, говорить в услышание всех и никого не иметь позади Себя.

Первую притчу предлагает о семени, дабы сделать слушателей более внимательными. Так как Он намерен сказать, что семя есть слово и что оно, упавши в невнимательных, пропадает, то говорит об этом прежде всего, дабы слушатели постарались быть внимательными и непохожими на ту землю, которая губит семя. Но кто такой Сеятель? Сам Христос, Который по человеколюбию и снисхождению неотлучно исшел из Отчих недр, исшел же не для того, чтобы сожечь проклятую землю и злые сердца, не для того, чтобы иссечь терния, но чтобы сеять семя. Какое семя? Не Моисеево ли? Не семя ли пророков? Нет, Свое, т. е., чтобы проповедовать Свое Евангелие. Он и сеял; но из семян одно пало на душу, подобно дороге, попираемой многими, и птицы небесные, т. е. демоны, владеющие в воздухе, пожрали это семя. К таким людям относятся человекоугодники; они то же, что дорога, попираемая многими. Кто все делает только для угождения тому или другому, тот бывает попираем многими. Но заметь, Господь не сказал, что семя брошено при

пути, но что оно пало при пути, потому что Сеятель бросает семя на землю, как на добрую, а она сама уже, оказавшись худой, губит семя, т. е. слово. Впрочем, некоторые хорошо принимали упавшее при пути в том смысле, что оно пало на неверное сердце. Ибо Путь есть Христос, а находящиеся при пути суть неверные, которые вне пути, то есть Христа. Другое семя пало на душу каменистую, разумею тех, которые легко принимают слово, но потом отвергают. Они каменисты, как уподобившиеся несколько камню, т. е. Христу, поскольку приняли слово; но как они принимают слово на время и потом отвергают, то через это теряют и подобие. Иное семя упало на душу, пекущуюся о многом, ибо *тернии* суть житейские попечения. Но четвертое семя пало на добрую землю. Итак смотри, как редко добро и как мало спасающихся! Только четвертая часть семени оказалась уцелевшей! Ученикам, спросившим Его наедине, говорит: *вам дано знать тайны*. Но неужели по распределению и назначению от природы одним дано это, а другим нет? Быть не может; но тем дано, как ищущим: *ищите*, – сказано, – *и дастся вам*, а прочих Бог оставил в слепоте, дабы знание должного не послужило к большему их осуждению, когда они не исполняют сего должного. Впрочем, хочешь ли знать, что от Бога дано всем видеть должное? Слушай! *Своими глазами смотрят* – это от Бога *и не видят* – это от злобы их; ибо Бог создал их видящими, т. е. понимающими доброе, но они не видят, смежая очи свои добровольно, чтобы не обратиться

и не исправляться, как бы завидуя собственному спасению и исправлению. Можно и так понимать: прочим же говорю притчами, *так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают*, чтобы хотя по этому обратились и исправились.

Здесь указано три разряда людей, в которых слово пропадает: одни – невнимательны, эти означены словом *при дороге*; другие – малодушны, сии разумеются под словом *на каменистом месте*: третьи – сластолюбивы, означаемые словом *в тернии*. Три же разряда и тех, которые приняли и сохранили семя: одни приносят плод во сто – это люди совершенной и высокой жизни; другие – в шестьдесят, это средние; иные – в тридцать, которые хотя немного, но все же приносят по силе своей. Так, одни суть девственники и пустынники, другие живут вместе в общежитии, иные в мире и в браке. Но Господь принимает всех их, как приносящих плод. И благодарение Его человеколюбию!

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Марка. М.: «Лента», 2005.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Луке)

Ныне сбылось то, что давно сказал Давид от лица Христова. *Открою*, – сказал он, – *уста мои в притче* (Пс. 77, 2). Господь притчами говорил по многим целям, именно: чтобы слушателей сделать более внимательными и возбудить ум их к исследованию того, о чем говорится (ибо мы, люди, обыкновенно более занимаемся прикровенными речами, и на ясные мало обращаем внимания), и чтобы недостойные не поняли того, что говорится таинственно; и по многим другим побуждениям говорит Он притчами. Вышел *сеятель*, т. е. Сын Божий. *Вышел* из недр Отца и из Своей сокровенности и сделался видимым. Кто же вышел? Тот, Кто всегда сеет. Ибо Сын Божий не перестает всегда сеять в наших душах: Он сеет в наших душах добрые семена не только тогда, когда учит, но и через мир сей, и через те явления, которые совершаются с нами и около нас. Он вышел не затем, чтобы погубить земледельцев или выжечь страну, но затем только, чтобы сеять. Ибо земледелец часто выходит не затем только, чтобы сеять, но и за другим. – Он вышел сеять *семя свое*. Ибо слово учения у Него было собственное, а не чужое. Пророки, например, что ни говорили, говорили не от себя, но от Духа; почему и говорили они: *это говорит Господь*. А Христос имел *семя Свое*; почему, когда и учил, Он не говорил:

это говорит Господь, но: Я говорю вам. – Когда Он сеял, т. е. учил, иное семя упало при дороге. Не сказал Он: *сеятель бросил*, но: *оно упало*; потому что сеятель сеет и учит, а слово падает в сердца слушателей. Они-то и оказываются или дорогой, или камнем, или тернием, или землей доброй. <...>

> Три разряда людей, кои не спасаются по этой притче. <...>

Итак, три части погибающих, а одна – спасающихся. Таким образом, спасающихся мало, а погибающих – очень много. Смотри, как Он говорит относительно подавляемых заботами житейскими: не сказал Он, что они подавляются богатством, но заботами о богатстве. Ибо не богатство вредит, а заботы о нем. Потому что многие получили пользу от богатства, раздав его на утоление голода бедных. Приметь, пожалуй, и точность евангелиста, как он сказал о спасающихся: *услышав слово, хранят его*. Это сказал он ради тех, кои при пути; ибо сии не содержат учение, но диавол уносит его у них. *И приносят плод*» – это сказал Он ради тех, кои подавляются заботами житейскими и не выдерживают до конца, ибо таковые, т. е. не носящие до конца, не приносят плода. *В терпении* – сказал ради тех, которые на камени; они и принимают учение, но, не устояв против нашедшего искушения, оказываются негодными. Видишь ли, как Он сказал о спасающихся: *хранят и приносят плод в терпении* и через эти три свойства отличил их – от не содержащих, каковы те, которые при пути, от не приносящих плода, каковы те, которые в терниях, и от не переносящих нападшего на них искушения,

каковы те, которые на камени.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Луки. М.: «Лепта», 2005.

Феофан Керамевс (по св. евангелисту Луке)

<...> Сказал Господь притчу сию: вышел сеятель сеять семя свое (Лк. 8, 5). Предопределенную от вечности волю Божию и истощание Бога Слова даже до нашего низкого состояния величественный язык Евангелия называет изшествием. <...> А богоглаголивый Павел в послании к Евреям явление Христа во плоти называет вшествием, говоря так: *когда же опять вводит Первородного во вселенную* (Евр. 1, 6). Ужели божественные глаголы противоречат друг другу? И кто бы мог так худо думать, будто апостол говорит противно Евангелию. Но как по таинственной лестнице, виденной Иаковом, одни и те же Ангелы восходили и нисходили, так и о вхождении и исхождении Единородного Сына Божия говорится не в одинаковом значении, как это и ясно для принимающих таинственное учение так, как прилично мыслить о Боге. Ибо когда человеческая природа, уклонившись от пути, пала и отступила от Бога, то вышел и Он, как некий Посланник (см.: Евр. 3, 1), чтобы ввести нас туда, откуда мы ниспали. Но св. апостол говорит о вхождении или вступлении в наследство, о чем предсказывало божественное пророчество: *проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе* (Пс. 2, 8). Ибо до Воплощения не было общения Бога с тварию; потому что какое ж общение с чувственною тва-

рию у неведущего, несозданного и непостижимого Существа? А когда чрез воспринятую природу нашу вступил с нами в общение, тогда и вошел Он в мир тварный, как сказано: *вышел сеятель*. <...> Вочеловечившись, Он представляется нам как бы двинувшимся с места, но Он не подлежит никакому ограничению местом и неизменяем в Своем существе. О таком изшествии Бога и Михей пророчествовал, говоря: *вот Господь сходит от места Своего* (Мих. 1, 3).

Вышел сеятель сеять семя свое. Какое это семя – объяснил сам Он, предупреждая нас и сказавши, что это – слово Божие, и следовательно – Евангельская проповедь. Сеятель же сего доброго семени есть Сам, говорящий это, Иисус; Он есть сеятель всякого добра, и от него зависит всякое плодоношение духовное (ср.: Ин. 15, 4–5). А земля и земледелие Его суть души человеческие. Сказал, что вышел сеять *семя свое*, потому что не от кого другого заимствует слово свое Ипостасное Слово Божие. Но почему не предшествует сеянию обработка земли, поновление ея? – потому что занимающиеся земледелием сперва пашут землю и тогда уже бросают семена. Нужно знать, что и здесь пророки плугом закона вспахали души людей чрез заповеди и соделали их пригоднейшими к принятию евангельского семени: а Пришедший облагодетельствовал весь мир, солнечные лучи равно Дающий добрым и худым и Повелевающий облакам давать дожди праведным и неправедным (ср.: Мф. 5, 45), и слово учения распространил равно на всех, безразлично рассыпая се-

мена, чтобы добро принадлежало не меньше тому, кто восхотел и избрал приносить плод, как и Подавшему семя.

И отказавшихся прийти на великую вечерю (см.: Лк. 14, 18) было три рода: один купил землю, другой купил пять пар волов, третий женился. И здесь представляются три рода неспособной земли, на которую семя упавши не оправдало надежд сеятеля: потому что иное упало при дороге, другое на каменной земле и сухой, и иное заглушено тернием. Чему научают нас сии приточные образы? Что есть три рода принявших было семя, и все-таки не принесших плода: это – которые следовали мудрости мира и нелепым выдумкам Еллинов, которые пребывали в законе теней (см.: Евр. 10, 1), и язычники, подавляемые удовольствиями, как тернием. Первые сами себе уготовали путь к гибели, не допуская закону вспахать ниву души; они, слыша слово о тайне спасения, раздражаются смехом и поношением (ср.: 1 Кор. 1, 23). Тотчас лукавые помыслы, как некие птицы, слетаются и, признавая слово неубедительным и невероятным, духовное семя выбрасывают из души. А если под птицами небесными будем разуметь духов воздушных (см.: Еф. 6, 12; 2, 2), которыми уничтожается доброе семя, то и в таком случае нисколько не уклонимся от смысла притчи. Сказавши же, что *иное упало при дороге*, Он может быть указывает прикровенно и на нечто другое. Потому что если бы речь шла просто о торной дороге, то сказал бы может быть «иное упало на пути, или на дорогу», как далее говорит: *иное упало на камень*,

иное между тернием, а иное упало на добрую землю. Здесь же сказавши «при пути», или что тоже «при дороге», дает повод разумевать нечто высшее и более отвлеченное <...> И поелику мы научены, что Христос есть Путь, как сказал Он о Себе: *Я есмь Путь* (Ин. 14, 6), то надлежит разумеать, что семя, упавшее вне сего Пути, расхищается демонами, как бы птицами.

Примечай различие тех, кои принимают слово Евангельское. Первые, которые уподобляются торной общественной дороге, совершенно нисколько не приняли семени: потому что как только оно упало, так и расхищено без всякого препятствия птицами. Так они закоснели в неверии, что ни коим образом не допускали проникновения проповеди, будучи путем твердым, землею не поддающеюся паханию духовному. На сие может быть указывал и Христос, когда заповедывал апостолам не ходить на такой путь язычников (см.: Мф. 10, 5). А уподобляемые камням не были чужды вере, но слабы и немощны. Слово указывает на тех, кои приняли Евангельскую проповедь и начали приносить плод дел, но при наступлении искушения или скорби сделались отставшими, как бы сбросили свои воинские доспехи, бежали от борьбы. Ибо как посеянное в каменной почве пускает корни и дает росток по причине земли, находящейся на поверхности, а при наступлении солнечных жаров, по причине недостатка влаги снизу, соответствующей и противоборствующей зною, вянет и сохнет: так и не принявшие слова Евангельского с

глубокою пламенной верою остаются бесплодными; потому что, как только солнце начнет сильнее греть, они сбрасывают личину. Понимаешь, конечно, какое это солнце, повреждающее духовные посевы, зная о нем из песни степеней: *Днем солнце не поразит тебя...* (Пс. 120, 6), и от Невесты в Песни песней: *...Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня...* (Песн. 1, 5). Есть солнце, действующее противоположно Солнцу правды; не освещает оно и нисколько не животворит, но очерняет и иссушает зноем греха. Потому великий Исаия говорит, что головы верных будут покрываться скиниею для осенения днем от зноя (ср.: Ис. 4, 6), покрываться от Бога тенью (ср.: Ис. 25, 4) в защиту от зноя сего враждебного солнца чернящего и сжигающего грехом.

...а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его. Как земля после преступления Адамова стала возвращать терние и волчцы ему (см.: Быт. 3, 18), так и плоть Адамова, взятая от земли, заразившись грехом, стала изнашивать терние и сорную траву прегрешений. Всеял же их враг рода человеческого, как объяснено в другой притче. Ибо где Домовладыка посеял доброе семя, там враг, выждавши время, когда люди вознерадели и предались сну, посеял между добрым семенем плевелы (см.: Мф. 13, 25), называемые там тернием и волчцами. В этой же притче под тернием, заглушающим семя слова Божия, разумеется беспорядочная смесь неисчислимых зол, рождающихся от гнева и похоти; это – заботы, пожелания, сетования, напасти и разнообразные от сих

происходящие страдания, из-за которых добрые действовани-
я, хотя бы и начались в душе, не достигают крепости и
зрелости, не восходит к высоте совершенства.

*А иное упало на добрую землю, и взошедши, принесло плод
сторичный.* Видишь, как то же семя, сеянное тем же земле-
дельцем, не одинаковый плод приносит? Что ж! Не по ви-
не ли земледельца это бывает? Но кто же так помыслит или
дойдет до такого сумасбродства? Нет; но как одна и та же
вода, орошая один и тот же луг, питает различные роды рас-
тений, и оросительная сила одна, но свойство приемлющих
претворяет влагу в различные качества: ибо одна и та же вода
в полыни горькнет... в розе краснеет, в лилии белеет, здесь
теплее, там охлаждается, <...> так и слово Божие, бросае-
мое как некое семя в души человеческие, произрастает со-
ответственно состоянию приемлющих, и или приносит плод,
или не может приносить плода. Поелику же св. Матфей по-
дробнее изложил сказанное Спасителем о плодоносии доб-
рой земли, именно, что из семени, упавшего на добрую зем-
лю, *одно принесло плод во сто крат, а другое в шестьдесят,
иное же в тридцать* (ср.: Мф. 13, 8): то следует поискать, что
значит это тройственное различие в плодоношении. И так,
подвизавшиеся среди скорбей и лишений и в горниле иску-
шений испытанные как золото (см.: Прем. 3, 6), или стра-
дая от мучителей, как добропобедные мученики, или по до-
пущению Божию будучи преданы во власть врага и мстите-
ля (Пс. 8, 3), как оный многострадальный Иов, или *в прах,*

по выражению псаломскому (Пс. 118, 25), *повергши души свои и плоть свою пригвоздивши ко страху Божию* (Пс. 118, 120), или непорочно и в чистоте целомудрия прославивши Бога, – сии все принесли первый и высший плод, сторичный. Ибо сотенное число, заключая в себе помноженное на себя совершенное число десять и само будучи всесовершенным, показывает совершенство добродетели. А которые отвергли скоропреходящие и быстро исчезающие похоти и удовольствия, те называются приносящими плод в шестьдесят крат, как умножившие шестерицу¹ заповедей Божественных в десять раз и соблюдавшие их как по внешности, так и по внутреннему смыслу. Обязавшиеся ж брачными узами и занятые мирскими делами, но не пренебрегшие и дел добродетели, как соблюдавшие шестерицу заповедей по внешнему объему, произвели плод в тридцать раз. Ибо число тридцать, содержа в себе пять раз число шесть, чрез пятеричное число означает пять чувств, а чрез шесть – те заповеди, за соблюдение которых праведники наследят Царство Небесное, как исчислил их Судия на престоле славы Своей. И так, кто напитал голодного, напоил жаждущего, одел нагого, ввел странника в дом свой, показал надлежащее призрение относительно больного и в темнице заключенного, – если это сделает чувственно, по видимости, то принесет плод в тридцать; а если кроме чув-

¹ Разумеются, как немного ниже сам говорит, заповеди относительно ближних (Мф. 25, 35 и далее), которые поставит на вид Судия на Страшном суде. – *Прим. авт.*

ственного исполнения и духовно совершит их, питая хлебом любви и словом учения напоевая нуждающегося, обнаженного от добродетели облекая в честность нравов, отчуждившегося от вышнего Отечества вводя и возвращая в дом Отчий, принимая немощного в вере (см.: Рим. 14, 1) и посещая заключенного в узах греха, тот поистине приносит плод в шестьдесят. Подивись способу земледелия и человеколюбия Земледельца Господа и возблагодарей пред Ним, что, не от всех требуя равной меры плодов, увенчивает и того, кто много принес, и того, кто принес мало, не отвращается. Но это яснее показывает Он в притче о делателях (Мф. гл. 20), где и раньше нанятые на работу и позднее призванные получили обещанную плату.

Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Ученики, благоприятствуя окружающему их множеству народа и заметив неясность речи, желают узнать сказанное, чтобы и для толпы выяснить это. Что же Спаситель? *Вам, говорит, дано знать тайны царствия Божия, а прочим в притчах.* Когда говорит *дано*, показывает, что дело, т. е. дар, но сей божественный дар не все могут принять. Ибо иные еще младенчают по вере, другие грубы чувствами духовными и неспособны слышать таинственнейшего учения; им, как детям, пригоден приточный способ наставления. Вы же, говорит, весьма усердным стремлением сделавшиеся достойными высшего учения, можете узнать и таинственнейший смысл учения. Присоединяет далее и пророческое из-

речение: *чтобы они видя не видели, и слыша не слышали* (ср.: Ис. 6, 9). Ибо тогда как дана им Богом сила избирать наилучшее, они, огрубивши умы свои худыми помыслами, слыша чувственно, не понимают разумно, и видя телесными очами, закрывают очи души своей. А частица *чтобы* здесь означает не причину, а следствие. Ибо не для того говорил в притчах, чтобы они не видели и не слышали, но потому так случилось с ними, что они по собственной испорченности худо разумели, подобно как о худо видящем, слепотствующем и долго страдающем тою болезнию скажешь: «Для того он устремил взоры свои на солнечные лучи, чтоб еще больше повредить глаза».

Потом, научая не просто понимать говоримое, но восходить умом к высшему смыслу, присовокупил Он: *кто имеет уши слышать, да слышит!* То есть: умеющий духовно умо-заключать о высших предметах и от чувственного восходить к тому, о чем говорится в притчах, пусть обратит на это внимание, чтоб уразуметь смысл говоримого. Ибо для спасения недостаточно только слышание наставлений, если за слышанием не последует исполнение того, о чем слышим.

Зная это, братья, не просто и как случится будем слушать слово учения, чтобы слова только принимать, а никакого плода от слышания не заимствовать, чтобы уподобляться земле бесплодной, и открытой дороге, всеми попираемой. И опять, начавши делать добро, при наступлении искушений со стороны врага и завистника преуспеянию нашему, не ста-

нем иссушать духовные ростки добродетели, как почва каменная, не имеющая влаги. И далее, не будем заглушать доброй нивы тернием, занявшись неблагоприятными и суетными заботами, которые не принесут нам никакой пользы во время исхода. Будем, напротив, внимательно трудясь над собою, уподобляться земле доброй и приносить плод, соответственный попечению о нас Господа, достойный блаженной житницы (ср.: Мф. 3, 12; 13, 30) Царства Небесного, которого достигнуть да сподобимся все мы благодатию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, со Отцем и Святым Духом славимого во веки. Аминь.

Феофан Керамевс, архиеп. Тавроминский. Беседа 7. На притчу о семени / [Арсений, архим. Феофан Керамевс, архиеп. Тавроминский X века и проповедник] // Странник. СПб., 1884. Том II. С. 466–473.

Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)

Вот, вышел сеятель сеять... Семя есть слово Божие (Мк. 4, 3; Лк. 8, 11). А сеятель – Господь. Он вышел в мир сеять семена Своего Божественного слова, семена жизни, сеет до сих пор и будет сеять до скончания века.

Так незримый Господь ходит и ныне по вселенной... Он ходит по дорогам и распустьям, по городам и селениям и по домам и бездомьям. Дни и ночи ходит Он, спасая человеческие души... И каждому человеку на тропе его жизни встречается Господь и каждого обвеет Своим дыханием... Сладкий миг. И вместе – о какой это страшный момент! Неужели не откликнется душа? Неужели не повернется к Божественному призыву? Неужели она лишь на миг всколыхнется и разойдется со Христом и опять поскользит по зыбкому распустью?

Веяние Божьего зова слышится в голосе совести, в призывах Церкви, в обстоятельствах жизни... А бывают и особые призывы Божьи, как явные встречи с Христом... Душе надо откликнуться... надо схватить этот славный миг и отдаться милующему Богу.

Какие условия отклика?

<...> Вот первое условие отклика: не держи душу при дороге, где ходят враги, где топчутся ноги тысяч людей, где

дует ветер, где наматывается мусор... Дорога это – «внешнее» жизни. Это – распустье земли. Ведь нашим господином является зло, дьявол... А за ним и с ним все дети зла: и разнообразные силы торжества греха (грубость, жестокость, насилие, развращенность и прочее, прочее без конца), и рассеянность сменяющихся жизненных влияний... Как в таких условиях Божье семя может дать рост?

Вот Божьей волей семя попало в душу, и тяжелые ступни торжествующего зла потоптали его (семя *было потоптано* – Лк. 8, 5), а птицы – рассеянность – поклевали его... и опять душа осталась пустой, ветер дороги бьет ее и холодно ей и неудобно... Не держи душу при дороге. Держи ее за оградой, которую оградил ее Отец Небесный (см.: Мф. 21, 33).

<...> Посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 5–6, 16–17), временем веруют, а во время искушения отпадают (см.: Лк. 8, 13).

А вот и второе условие: позаботься о плодородности почвы для сада твоей души... позаботься, чтоб был в ней... чернозем (земля) – это среда, насыщенная силою для добрых произрастаний... Скапливай в душе такую силу. Она – результат доброй мысли и доброго дела... Так пусть осадки их будут глубже в твоей душе. Когда отклонение добра ничтожно, тогда Божьему семени не за что в душе и зацепиться и не на чем укрепиться... И тогда растет Божье семя хилым и

безжизненным, почти не имея корней в душе... Потому, когда приходит искушение, скорбь (а они неизбежны!), увядает чахлый росток и гибнет... Нет для него основы, закрепы в душе, и нет у него сильного корня... И зной жизни (*взошло солнце*), тягота жизненных испытаний губят слабый побег добра. И нет для него поддерживающей влаги! Влага – это роса Божьей благодатной помогающей силы... Конечно, из камня не появится влага... Роса благодати обильна там, где почва насыщена влагою добрых дел.

Итак, боритесь с каменистостью, бесплодностью души. Для ростков добра крепи в себе землю добрых дел. И роса благодати снизойдет на ниву души... И будут крепки побеги доброго сева, и нива заколосится полноценным зерном.

<...> Третье условие доброго роста Божьего семени – не давай усиливаться в своей душе сорнякам. Сорняки неизбежны. Человек живет в мире зла, и сам он немощен и склонен к греху... Плевелы не уничтожены Господом, а оставлены расти до жатвы (ср.: Мф. 13, 30). Значит, сорняки будут. Это – «заботы века сего, обольщения богатством, наслаждения житейские»... И если дать им волю, они заглушат все доброе... Разве ты не знаешь, как быстро растет дурная трава и как она размножается и забивает доброе семя?

Вот не нужно давать волю тернию души, которое обовьет и заглушит душу, и ей ничего не даст, и доброе не пустит к себе... Когда же терние заполнит душу и опустошит ее от добра, тогда и смерть души!

Останется пустота... одна пустота... бессмысленность целей, никчемность усилий и в результате... разбитая жизнь... Господство сорняка... и нечем жить, и нечем дышать!..

Иное упало на добрую землю и дало плод... А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод (см.: Мк. 4, 8, 20). Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и понимающего, который и бывает плодоносен (см.: Мф. 13, 23). *А падшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении* (Лк. 8, 15).

Здесь Господь указывает основные и положительные условия произрастания Божьего семени. И среди них первое – добрая земля. Хорошая земля имеет в себе силы произрастать посаженное в ней. И в душе, готовящейся стать доброй нивой для Божьих глаголов, нужна среда, имеющая силы принять и вырастить добро. Доброе усваивается добрым. Значит, это должна быть среда, насыщенная силою добра... Лишь она способна вырастить добро.

Второе условие Господь указывает в принятии и разумении Божьего слова. Душе недостаточно слышать Божий зов. Надо с заботливой внимательностью ввести в душу («принять»). Надо отдать этому делу всю человеческую способность восприятия истины, всю способность человеческого разума истины, чтоб Божье слово входило в душу как единый истинный свет и как единая истинная жизнь. Та-

кое проникновение души в Божье слово святой Евангелист может обозначить термином *разумеение*: *плодоносен бывает слышащий слово и разумеющий* (Мф. 13, 23).

Господом указывается и третье условие доброго произрастания семени – *хранение Божьего слова*.

Как земледелец, бросив семя в добрую землю, оберегает пашню от засорения, от затаптывания скотом и потрав, так и возделыватель души должен охранять ниву души от засорения плевелами зла, от затаптывания дурными наслоениями и от всяческих потрав диавола... Как постоянно бодрствующий глаз земледельца, человек должен поставить на ниве души неусыпного стража – чистую совесть, чистое сердце.

Чистое сердце, как ограда души, пусть не допускает засоряться душевной ниве, и тогда Божье семя растет правильно. *Те, которые... хранят его (слово) в добром и чистом сердце... приносят плод* (Лк. 8, 15). Но Господь и это условие не считает последним. После многого труда над обработкой земли души, чтобы была она доброй, после заделки семени («принятия слова»), после бодрственного оберегания нивы чистым сердцем надо проявить и еще одно свойство – терпение.

Земледелец кладет много труда, бросает семя и долго, долго ждет всходов и плодов.

Так тем более не ожидай на душевной ниве скороспелости семени истины и добра; семя жизни взращивается в терпении, в бореньях, в потах, во многих, многих днях, месяцах,

годах, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: *Приносят плод в терпении* (Лк. 8, 15). Таков путь отклика на Божий зов к доброму созреванию о Христе. Встань на него со Христом и, поддерживаемый Его милующей рукой, пойдешь.

Плод... взошел и вырос, и принесло иное (семя) тридцать, иное шестьдесят, а иное сто. Не подумай, что несправедлив, лицеприятен Господь и одному дает лучшее семя, другому худшее. Божие семя взращивается несчетно... Дело в тебе, в твоей душе... Насколько она подготовлена и способна принять и взрастить Божье семя, настолько она и плодоприносит... Отсюда и разница: одна душа плодоприносит тридцать, другая шестьдесят, а третья и стократ.

И сказал им (ученикам): вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят, своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи. Вот слово большой радости, а вместе и трепета! В отношении ко Христу одни люди – слушатели... Послушали и ушли... Другие – ученики и последователи. Эти остались, чтобы наполниться словом Господним и следовать слову. Первые – «внешние», – вторые, очевидно, «свои». Первые смотрят, и не видят, слышат, и не понимают. Вторые проникают в невидимое, и им открыты тайны Царствия Божия.

Вникай, вникай! У настоящих учеников открыты глаза, и они видят тайны Божьего Царства. Они, зрячие, знают, куда

идут, и знают, что только один путь... Они, счастливые, бегут во свете к одной своей цели, потому что в сердце у них открытая им тайна. Она влечет их!..

Господи! Как же блаженны видящие! Как счастливы ходящие во свете! Им открыты Твои тайны. И Твое Царство влечет их.

И как жалки невидящие!.. Они бродят в потемках... И нудно ползут своими земными путями, *да не обратятся и прощены будут грехи их.*

Так и есть в жизни!

Один человек и в Бога верит, и в церковь ходит, а нет в нем жизни! И видно, что еще нет у него правды в пути. У него все заслоняет своя маленькая жизнь и свои заботы... И они впереди, а Христос к случаю, когда понадобится... И вот, такой человек топчется и ползет... И, конечно, ничего он не видит... Жизни своей не видит... И хоть он слушает слово жизни, но заткнуты у него уши и ничего не доходит до его души... И он по-прежнему без пользы и радости для себя топчется вокруг Христа и около стен церковных, и нудно тянется его жизнь.

Это – «внешний».

А другой, посмотришь, загорелся... И поистине, как сказал Господь, как будто у человека открылись глаза... Да, воистину открываются у человека глаза, потому что он начинает видеть одну цель жизни, видит один путь, легко выбирает нужное в жизни, откидывает ненужное, и с душевным

спокойствием, Богу содействующему, твердо, во свете и радости он пойдет по своей дороге.

Тогда же ему открываются «Божьи тайны». Ведь он же идет к Божьему Царству! И чем он ближе к своей цели, тем она доступней, ясней, видней.

Григорий (Лебедев), сщмч. Толкование на Евангелие (От Марка и Луки). М.: «Даниловский благовестник», 2006.

Свт. Василий (Кинешемский)

(по св. евангелисту Марку)

Смысл притчи о Сеятеле достаточно подробно объяснен Самим Господом. К евангельскому объяснению можно еще прибавить, что Сеятель – это Сам Господь, семя – слово Божие, поле – все человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя евангельского слова. Подобно семени, евангельское слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? *Сия же есть жизнь вечная*, – отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, – *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Евангельское слово дает это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных условиях возрастает и приносит плоды – добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца.

Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но слово Божие живо и

действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (ср.: Евр. 4, 12). В нем скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, слово Божие не всегда дает одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта – наше сердце. Мы все, слушатели и читатели слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, – вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

Вдумаемся внимательнее в притчу, чтобы в ее дивных образах и символах открыть важные для нас законы душевной агрономии, на которые указывает Господь Иисус Христос.

Для того, чтобы с успехом возделывать ниву и применять к ней рациональные способы обработки, необходимо прежде всего изучить почву и знать ее состав. Песчаная почва требует одного удобрения, суглинок – другого, чернозем – иного; да и сами приемы обработки на разной почве бывают неодинаковы. Точно также и в духовной жизни. Чтобы понять причины, обуславливающие для человека бесплодность слова Божия, и в то же время найти правильные способы

обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека евангельского слова, – для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это – четыре различных вида психики человека, четыре вида устройства души.

Когда сеятель сеял, случилось, что иное (семя) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то (ср.: Мк. 4, 4).

Это – первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на нее, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается легкой добычей птиц.

Что это за люди?

Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться – выше этого они ничего не знают. Корм, корм и пойло – этим исчерпывается все их содержание. Их мировоззрение исключительно материалистическое. Вопросы духа для них не существуют. К идеалам правды, добра и красоты, ко всему, чему поклонялось человечество как ве-

личайшей святине, что манило и увлекало героев, подвижников и лучших деятелей истории, чему те отдавали беззаветно свои силы и свою жизнь, – ко всему этому люди типа проезжей дороги относятся с циничной насмешкой и откровенным презрением. «Выгода» – вот слово, которое определяет их деятельность. Для них бог – чрево, и Евангелие, слово Божие встречает в них глухую стену тупого безразличия. Оно отскакивает от них, как горох от стены, не пробивая даже внешней коры эгоизма и не проникая внутрь, в сердце. Если иногда и остается оно на поверхности памяти, то лишь до того момента, когда первый порыв распутства, сластолюбия или любостяжания налетит, как птица, и поглотит все без остатка, а грубое сердце остается по-прежнему твердым и непроницаемым.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики – праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Такое любопытство не приносит никакой пользы: оно бесцельно и беспредметно. Впечатления оцениваются здесь исключительно по их действию на нервы. Все, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, смотреть религиозную процессию или английский бокс, присутствовать при

торжественном, вдохновляющем богослужении или покаяться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой. Если они слушают вдохновенного проповедника, говорящего о евангельской правде, о лучезарном мире чистоты и святости, о Великом Любящем Боге, они скажут в похвалу лишь одно: «О, он хорошо, красиво говорит!» или: «У него выработанная, изящная речь!» Это самая уничижительная похвала для проповедника, сводящая его на роль школьника, демонстрирующего перед экзаменаторами свои литературные и декламаторские таланты. Пусть в проповеди слышатся рыдания и неподдельные слезы страдающей любви, стон измученного сердца, горечь и негодование при виде попранной правды, они не найдут других слов для оценки, кроме пошлой фразы: «О, у него драматический талант!» Как будто перед ними артист сцены, выступающий исключительно для того, чтобы их развлекать и щекотать их истрепанные нервы.

Это люди мелкой души, и жизнь для них – не серьезная задача, полная глубокого смысла, а просто фарс. Люди этого сорта евангельское слово слушают так, как будто оно к ним не относится: они его не воспринимают.

Третья разновидность людей этого сорта – это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни.

Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или занятию, определяющему направление их жизни. Чем живут эти люди? Вы сразу этого не скажете: здесь все так текуче, так изменчиво, так непостоянно. Сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Одна мысль сменяет другую, как в калейдоскопе, без всякого порядка и системы. Одно увлечение вытесняется другим, план следует за планом, совсем как на проезжей дороге, где катятся экипажи, идут прохожие, сменяя один другого, топчется бродячий скот. Они все начинают, все пробуют и ничего не кончают. Цели жизни у них нет. Это – рабы минутного каприза, трость, ветром колеблемая. Их увлечения непрочны, ненадежны, мимолетны. С легкостью мотылька порхают они с предмета на предмет. Всякая новинка их привлекает и захватывает, но лишь на короткое время. «Что книга последняя скажет, то на сердце сверху и ляжет». Учить их чему-нибудь серьезному, проповедовать слово Божие – почти бесполезно. Это значит писать на воде, сеять при дороге: затопчут прохожие, поклюют птицы, то есть мир с его вечной сменной новинок, диавол с его искушениями и соблазнами. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьезно, становится сухим, равнодушным, жестким, как дорога, утоптанная ногами

прохожих и укатанная колесами бесчисленных экипажей.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но остается на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче. *Иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло* (Мк. 4, 5–6).

Поясняя эти слова, Господь прибавляет: посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (ср.: Мк. 4, 16–17).

Тип, широко распространенный и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями и побеждать враждебные течения. Услышав евангельскую проповедь о правде, любви, самоотвержении, они загораются сразу, как шведская спичка, но так же скоро

гаснут. Эти вспышки мимолетных увлечений бывают очень сильны, как вспышки магния, и в этот миг эти люди способны даже на подвиг, но пройдет момент – и все кончилось, и, как после магния, остается лишь дым и копоть – досада на свою трусость и дряблость или же, наоборот, сожаление о своем увлечении. К суровой, упорной, длительной работе эти люди неспособны, и непреодолимую преграду представляет для них закон вступления в Царство Божие, данный Господом: *От дней же Иоанна Крестителя доньне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Им нельзя отказать в чувствительности: вы увидите их иногда в церкви молящимися со слезами умиления на глазах, их воодушевляет хорошее пение, трогают изречения и возгласы Божественной службы, полные возвышенного смысла; с чувством повторяют они вместе с другими: «Возлюбим друг друга...», «Друг друга обьемем, рцем: братие!» Но когда наступает минута, когда от хороших слов надо перейти к делу, вы сразу увидите, что слезное умиление и религиозный подъем не смягчили их холодной души, что то был лишь фосфорический блеск, не дающий тепла, простая сентиментальность или ложная чувствительность, а не настоящее чувство. Они любят иногда читать жития святых, как любят дети

читать страшные сказки и трогательные истории, но и здесь дальше вздохов и словесных восторгов дело не идет. Они не прочь помечтать об этой подвижнической жизни и представить себя в роли подвижников и мучеников за правду, но те усилия воли, которые требуются для этого, их пугают. Они ничего не имеют против добродетели, нравственности, аскетизма, даже хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуются никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с полным комфортом и со всеми удобствами. В Царство Небесное они хотят въехать в вагоне первого класса.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

В душе человека таким каменистым пластом является себялюбие. Обыкновенно оно лишь слегка закрыто сверху тонким налетом чувствительности и добрых порывов. Но когда необходимо эти добрые порывы углубить и осуществить в жизни, т. е. сделать доброе дело, которое, собственно, и составляет плод доброго порыва, против этого неизменно восстает себялюбие и рожденное им саможаление. Допустим, вас просят оказать помощь. Вы готовы это сделать и пожертвовать что-нибудь нуждающемуся, но сейчас же вы слышите голос себялюбия: «А сам-то я с чем останусь? Мне самому нужны деньги: у меня их так мало!» Ваш добрый порыв на-

талкивается на холодную каменистую стену эгоизма и блекнет, как нераспустившийся бутон.

Себялюбие с лишениями, даже воображаемыми, не мирится.

Так бывает и в духовной, идейной борьбе. Люди часто носят христианские убеждения, как приличный костюм, дающий им вид порядочности и джентльменства, пока это их не стесняет и ни к чему не обязывает. Но когда за эти убеждения приходится платить страданиями и лишениями, сейчас же саможаление шепчет коварно: «Да стоит ли так мучиться? Не слишком ли дорога плата? Ведь можно и без убеждений обойтись!»

В результате – измена и отступничество.

Последний тип людей, в душе которых слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах: *Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода.*

Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода (см.: Мк. 7, 18–19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души

все светлое, идейное, возвышенное. Если человек не борется с земными пристрастиями во имя евангельской правды, он неизбежно становится их пленником, и одно слышание слова Божия его не спасет. Попытки установить в жизни равновесие между данью Богу и данью маммоне и миру сему никогда не удавались, ибо душа – существо простое и двоиться не может. *Никто не может служить двум господам, – говорит Господь: – ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть...* (Мф. 6, 24).

Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени слова Божия безрезультатно!

Из четырех категорий только одна приносит плод: *иное семя упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто.* <...> *А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (Мк. 8, 20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повинование евангельскому слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в

силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой – почти две трети, и лишь немногим удается исполнить все полностью и в совершенстве. Это натуры избранные. Это те, о которых Господь говорит: *нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22).

Таких людей немного. Но как ярко сияют они на тусклом фоне тепло-холодного отношения к Евангелию большинства современников, вялых, дряблых, слабых в добре, и как возвысило и просветило их душу слово Божие, которому они отдались беззаветно и которое исполнили до конца!

Вот прп. Антоний Великий. Два евангельских изречения произвели решительный перелом в его душе и направили его на путь, приведший к высшим степеням святости. Однажды вскоре после кончины своих родителей, будучи еще юношей 18–20 лет, он услышал в церкви слова Господа: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... и следуй за Мною. Он принял эти слова за совет, обращенный непосредственно к нему, и исполнил его буквально, раздав имение бедным. В другой раз, услышав слова Спасителя: не заботьтесь о завтрашнем дне, он почувствовал в них властный призыв, которому беспрекословно подчинился: покинул дом и ушел в пустыню, чтобы, освободившись от всяких забот, в подвигах аскетической жизни отдаться Тому, Чья воля стала для него высшим законом. Слово принесло в нем стократный плод.

Вот прпмц. Евдокия, первоначально великая грешница, очищенная и преображенная словом Божиим, подобно тому горящему углю, который взял клещами с жертвенника Господня шестокрылатый Серафим, чтобы коснуться уст пророка (см.: Ис. 6, 6–7).

В миру ее звали Марией. Она была дивно хороша собой, и в этом было ее несчастье. Успех, лесть, всеобщее поклонение вскружили ей голову. Мария вела суетную, легкомысленную светскую жизнь, снаружи нарядную и блестящую, но по содержанию пустую и пошлую. Пирь, развлечения всякого рода заполняли все ее время, не давая ей опомниться, прийти в себя. Но под внешностью светской львицы таилось доброе сердце и отзывчивая душа. Это ее спасло.

Однажды около той гостиницы, где пиновала Мария, окруженная толпой поклонников, остановились в нерешительности два старца-инока. Видно было, что они пришли издалека. Их ноги и одежда были покрыты пылью, избитая, потрепанная обувь говорила о дальней дороге. Они были утомлены, и им хотелось отдохнуть в гостинице, но звуки музыки и веселое общество их пугали. Наконец они решились войти. Их поместили рядом с пиршественным залом в комнате, отделявшейся лишь тонкой перегородкой.

Шумная оргия продолжалась. Слышались бесстыдные речи. Опыаненная Мария танцевала соблазнительный, сладострастный танец.

Кто-то вспомнил о старцах.

– Посмотрим, что они делают? То-то, должно быть, намолятся!

– Оставьте их в покое, – сказала Мария с улыбкой.

Но уже несколько беспутных гуляк скучились у перегородки, прислушиваясь к тому, что делалось за ней.

– Тсс... Тише! Что-то читают! Послушаем!

Шум умолк. В наступившей тишине слышался слегка заглушенный стеной голос читавшего старца.

Он читал: *И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром* (Лк. 7, 37–38).

– Вот нашли место для подобных чтений! – воскликнул один из молодых гуляк. – Эй, вы там!..

– Оставь! – вскричала Мария. Лицо ее становилось все серьезнее по мере того, как развертывалась чудная евангельская история о прощенной грешнице. Она сама не понимала, что с ней делалось.

Старческий голос продолжал: *А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много* (Лк. 7, 47).

– Ну ты-то уж не станешь заботиться об этом! – шепнул Марии самый юный из гостей.

Громкий вопль был ему ответом. Все вздрогнули. Мария

стояла вся трепещущая. Смертельная бледность покрывала ее лицо. Темные очи горели пламенем.

– Прочь от меня все! Оставьте меня!..

В ее сердце горели эти дивные слова о прощении, о спасении, о милосердии Божиим. Так засохшая земля жадно глотает влагу весеннего дождя.

Смущенные гости расходились. Мария бросилась за перегородку к изумленным старцам. Мгновенное изумление последних сменилось негодованием.

– Уйди от нас! – сказал один из них сурово. – Или нет в тебе стыда?!

– Отцы, не отвергайте меня! Я – грешница, но Господь не отверг блудницы!..

Она прильнула устами к запыленным ногам старцев: грешница Мария стала святой Евдокией. Слово Божие принесло стократный плод.

Какие уроки извлечем мы из всего сказанного? Если мы действительно хотим, чтобы евангельское семя давало в нас обильный плод и намерены серьезно трудиться над этим, то должны изучить почву своего сердца и выяснить, что именно мешает произрастанию слова Божия. Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу или каменистую почву или семена слова Божия гибнут в нем, заглушенные терниями мирской суеты?

Надо при этом иметь в виду, что указанные типы в чистом виде редко встречаются. Обыкновенно в человеческом серд-

це есть всего понемногу, и тип можно определить лишь преобладанием той или другой черты.

Определив особенности почвы, можно указать и применить особые приемы обработки сообразно с каждым родом почвы. Конечно, здесь все время необходимо помнить, что... *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога как главном условии успеха мы все-таки не освобождаемся от обязанности работать под собой, ибо *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не включает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены в проезжую дорогу массой разнообразных пестрых впечатлений, которые, проносясь через сознание, подобно бесконечной веренице экипа-

жей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жесткой, черствой и невосприимчивой к слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь – поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задержать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозгу, загромождая его всяким хламом.

Подумайте, в самом деле, сколько всякой дряни проходит каждодневно через голову среднего так называемого культурного человека! Одна утренняя газета чего стоит! Тут и лживая передовица, освещающая события так, как это нужно редакции; тут и фельетон, полный скабрёзного зубоскальства; тут и хроника, передающая все базарные новости; тут и объявления о пропавшей москье и о враче, радикально излечивающем половое бессилие. Прочитав все эти «полезные» сведения, вы чувствуете потребность, по крайней мере, два часа гулять на свежем воздухе, чтобы проветриться. Далее, приходите вы на службу и сразу узнаете ряд других новостей: у кого сбежала жена, кто из коллег проворовался, кто получил повышение и награду и т. д. Возвращаетесь домой – у вашей жены уже сидит приятельница, патентованная сплетница, которая вываливает на вас целый короб самых свежих, только что испеченных известий. Вечером вы идете в театр, и снова перед вами проходит новая вереница происшествий, речей, монологов, различных лиц, зрителей, актеров, знакомых и незнакомых, старых и молодых, нарядных и плохо

одетых, вся эта волнующаяся, шумливая, вечно изменчивая толпа, наполняющая места зрелищ. Прибавьте к этому заключительный аккорд ресторанный ужина с впечатлениями электрического света, разряженных женщин, дешевого оркестра и т. д. – и вы поймете, что, пожив месяц в этом кипящем котле внешнего разнообразия, мимолетных эффектов и внутренней пустоты, можно и очерстветь, и одуреть. Об успехе и влиянии на душу слова Божия при такой обстановке и речи быть не может. Но поставьте рогатки, откажитесь от этого шума и суеты, ограничьте всеми зависящими от вас мерами этот наплыв впечатлений, живите более уединенной жизнью, обязательно обеспечьте себе часы углубленной вдумчивости и тишины – и вы увидите, что почва вашего сердца станет постоянно меняться и глубже воспринимать ростки Божьего слова.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Так обрабатывают поле в Финляндии. Чтобы приготовить почву для посева, там необходимо сначала удалить массу громадных валунов и каменных обломков, загромождающих поле. Эти камни или взрывают, или выкорчевывают из грунта, подводя под них длинные толстые бревна. И надо видеть эту работу! Подводя под громадный камень бревно, целая семья крестьян – владельцев или арендаторов поля – садится на свободный его конец и начинает

качаться. Они качаются настойчиво, методически, качаются утром и вечером, качаются день, другой... И наконец массивный валун начинает слегка вздрагивать и тихо-тихо выворачиваться из земли. Это трудная, скучная работа, но другого исхода нет: надо очистить поле. Нелегкая работа предстоит и с самолюбием. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Допустим, вас просят оказать услугу. Вам не хочется, ибо это связано для вас с потерей времени и другими неудобствами. Ваше себялюбие протестует и ворчит. Не слушайте этого голоса, преодолите себя и, победив на этот раз свое нежелание и саможаление, вы уже отломили кусок себялюбия. Продолжайте эту работу настойчиво, упорно, непрерывно, как работают финские крестьяне, и мало-помалу ваше себялюбие станет смягчаться, слабость и исчезать, уступая место лучшим чувствам самопожертвования и заботы о других. Тогда корни слова Божия будут глубже проникать в сердце и не погибнут от первой невзгоды.

Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат слово Божие. При этом полезно помнить, что чем рань-

ше производить эту работу, тем лучше. Пока терния только в зародыше, их легко выдолоть.

Пока греховные желания существуют только в мыслях и не перешли еще в дело, их легче побороть. Но они укореняются, когда осуществляются в действии, и тогда борьба с ними становится труднее.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию слова Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

*Василий Кинешемский, свт. Беседы на Евангелие от Марка.
М.: «Сибирская благовонница», 2010.*

Архиеп. Аверкий (Таушев)

(по всем евангелистам сразу)

Слово «притча» представляет собой перевод греческих слов: «параволи» и «паримиа». «Паримиа» – в точном смысле означает краткое изречение, выражающее правило жизни (таковы, напр. «Притчи Соломоновы»); «параволи» есть Целый рассказ, имеющий прикровенный смысл и в образах, взятых из повседневного быта людей, выражающий высшие духовные истины. Евангельская притча собственно есть «параволи». Притчи, изложенные в 13-й главе Евангелия от Матфея и в параллельных местах у двух других синоптиков, Марка и Луки, были произнесены При стечении столь многочисленного народа, что Господь Иисус Христос, желая устраниваться от теснившей Его толпы, вошел в лодку и из лодки говорил к народу, стоявшему на берегу Геннисаретского озера (моря).

Как поясняет св. Златоуст, «Господь говорил притчами для того, чтобы сделать слово Свое более выразительным, глубже напечатлеть его в памяти и самые дела представить глазам». «Притчи Господа – это иносказательные поучения, образы и примеры для коих заимствовались из обыденной жизни народа и из окружавшей его природы. В Своей притче о Сеятеле, под Которым Он разумел Самого Себя, под семенем проповедуемое Им Слово Божие, а под почвой, на

которую падает семя, сердца слушателей, Господь живо на- помнил им их родные поля (через которые проходит Доро- га), местами заросшие колючим кустарником – тернием, ме- стами же каменистые, покрытые лишь тонким слоем земли. Сеяние – прекрасный образ проповедания Слова Божия, ко- торое, падая на сердце, смотря по состоянию оно, остается бесплодным или приносит плод большой или меньший.

На вопрос учеников: *Почто притчами глаголеши им?* Гос- подь отвечал: *Вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго, о нем же не дано есть.* Ученикам Господа, как бу- дущим провозвестникам Евангелия, через особое благодат- ное просвещение ума их, дано было знание Божественных истин, хотя и не в полном совершенстве до сошествия Св. Духа, а все остальные не были способны к принятию и по- ниманию этих истин, причиной чего было их нравственное огрубление и ложные представления о Мессии и Его царстве, распространяемые книжниками и фарисеями, о чем проро- чествовал еще Исайя (см.: Ис. 6, 9–10). Если показать таким нравственно испорченным, духовно-огрубевшим людям исти- ну, как она есть, не облакая ее никакими покровами, то они и, видя, не увидят ее и, слыша, не услышат ее. Только облеченная в приточный покров, соединенная с представле- ниями о предметах хорошо знакомых, истина становится до- ступной восприятию и пониманию: ненасильственно, сама собой загрубелая мысль возносилась от видимого к невиди- мому, от внешней стороны к высшему духовному смыслу.

Кто имеет, тому дано будет, и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет – присловие неоднократно повторяемое Господом в разных местах Евангелия (Мф. 25, 29; ср.: Лк. 19, 26). Смысл его тот, что богатый при усердии более и более богатеет, а бедный при лени и последнее теряет. В духовном смысле это значит: вы, апостолы, с дарованным вам уже познанием тайн Царствия Божия, можете проникать все глубже и глубже в тайны, понимать их все совершеннее; народ потерял бы и то скудное знание сих тайн, какое еще осталось у него, если бы при откровении сих тайн не дать ему в помощь приточной речи, более для него пригодной. Св. Златоуст разъясняет это так: «Кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что, как ему кажется, он имеет».

У кого ум так омрачен, а сердце огрубело во грехе, что он не понимает Слова Божия, у того оно ложится так сказать на поверхности ума и сердца, не пустив корней внутрь, как семя на Дороге, открытое для всех проходящих, и лукавый – сатана или демон – легко его похищает делает бесплодным слышание; каменистую почву представляют собой те люди, которые увлекаются проповедью Евангелия, как приятной новостью, иногда даже искренно и чистосердечно, находят удовольствие в слушании его, но сердце их холодно, неподвижно, твердо как камень: они не в силах ради требова-

ний евангельского учения изменить свой привычный образ жизни, отстать от своих излюбленных, вошедших в привычку грехов, вести борьбу с искушениями, претерпевать за истину евангельскую какие-либо скорби и лишения – в борьбе с искушениями они соблазняются, падают духом и изменяют своей вере и Евангелию; под тернистой почвой разумеются сердца людей, опутанных страстями – пристрастиями к богатству, к наслаждениям, вообще ко благам мира сего; под доброй землей разумеются люди с добрыми чистыми сердцами, которые, услышав Слово Божие, твердо решились сделать его руководством всей своей жизни и творить плоды добродетели». «Виды добродетелей различны, различны и преуспевающие в духовной мудрости» (блж. Феофилакт).

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Архим. Иоанн (Крестьянкин)

(по св. евангелисту Марку)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин.1, 1–3). Други наши, каждый день совершается во всем мире в Церкви Божией Божественная служба и звучит слово Божие. Звучит то самое всемогущее творческое слово Божие, которым однажды сотворил Господь мир и которому Он даровал силу на все века – хранить и воссоздавать жизнь на земле. И дал Господь человеку несомненное уверение истинности слова Своего неопровержимыми Божественными пророчествами о всем, имеющем случиться в мире.

Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю... (Ис. 46, 10). Внимайте, веруйте, живите по слову Моему – говорит Господь. *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35). Пророчества совершаются над миром и над народами. Погиб в потопе водном первый мир, утонув ранее в нечестии своем, изгнав из жизни своей Бога. Копит и собирает горящие угли зла второй мир, уже заготовив впрок такое количество огня, что, самовоспламенившись, этот огонь способен пожрать вселенную и все зло в ней. И предчувствие, что мы

– современники последних времен, носится в воздухе.

А отступление от Бога все растет в наши дни, и с этим близится к завершению предсказанное Господом Иисусом Христом, но кто слышит, кто видит и понимает происходящее? Таких все меньше. Опять исполняются пророчества: *слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите* (Ис. 6, 9).

Но Господь долготерпит и ждет и продолжает сеять семена жизни. Одно поколение сменяет другое, и к каждому из них ежедневно выходит Великий Сеятель слова – Бог, чтобы сеять семена Своего Божественного учения, коим только и может жить мир.

Как же трудится Творец жизни на ниве Своей, как силится насадить, взрастить, спасти и сохранить жизнь! Он учит, наставляет, обличает. Стучит и стучит в души человеческие. Сеет везде и всюду по всей вселенной, по дорогам и распутьям, по городам и селениям, днем и ночью, без усталости, без отдыха, чтобы спасти еще, возможно, некоторых.

Мир же безответен пред Богом. И не Бог будет судить мир, но мир сам осудит себя, будучи поставлен пред своей вопиющей неправдой. И не будет на земле человека, которому бы на тропе его жизни не встретился Господь со Своим словом правды, словом любви, словом великого долготерпения.

И не будет на земле человека, чье бы сердца не касалось веяние зова Божьего. Этот зов ведь слышится не только в голосе Церкви, но и в голосе совести человека, и в обстоя-

тельстввах его жизни. Слышал человек, но не ответил, не захотел ответить.

Но отчего же семена Божественного учения, самовластно сильные и предобрые, видимо не произрастают в жизни? Все меньше слышащих, все меньше исполняющих. И мир скользит по зыбкому распутию к конечной своей гибели.

Отчего гибнет столь доброе семя и труд столь усердного и Великого Делателя? Не от Сеятеля, сеющего жизнь, происходит смерть, и не от семени, дарованного могущественной Божественной рукой, вырастают волчцы и терния, готовые на сожжение. *Милости Господни исполнь земля*, – в этом мы усомниться не можем – так дивно и премудро сотворен мир (Пс. 32, 5). Но что же тогда?

Остается посмотреть на землю, приемлющую семя, остается посмотреть на себя. Зов Божий, несомненно, был в жизни каждого из нас. Кому-то встретился предтеча Божий – человек горячей живой веры, чья-то душа встрепенулась благодатию церковной службы. Не счесть всех возможных случаев прикосновения к душе Духа Божия.

И зов был. Найдите этот сладкий миг в своей жизни, найдите непременно – это важно очень. Это живой религиозный опыт каждого из нас.

Но дальше посмотрим, как же мы откликнулись на этот зов? Как мы отдались Божественному призыву? Ведь даже Господь всей Своей силой и всей Своей любовью не может спасти нас без нашего участия. Великий дар свободы – из-

братъ благое или злое – делает нас со-творцами своему Творцу – Богу или соучастниками губителя своего – врага рода человеческого.

И вот в нынешнем евангельском чтении Сам Господь толкует нам притчу, и непосредственно из Его уст уясняются причины, почему же чтение, слышание и даже знание слова Божия не приносят спасительных плодов. Слово жизни сеет Господь в живое человеческое сердце. Но оно-то, наше сердце, оставленное без внимания, как часто становится бессильным к принятию семени. <...> Вот оно наше сердце: сейчас оно – камень, но завтра усилием воли и трудом нашим оно может стать плодородной землей; сейчас оно – придорожье и распутье жизни, и какой только мусор не нашел в нем себе место, и какое зло не прижилось в нем, а завтра то же самое сердце наше, омытое покаянием и заботливым вниманием к нему, станет возделанной и тучной пахотой и пристанищем всякому добру; сейчас оно – сердце, поросшее тернием греха, а завтра оно же, прополотое и ухоженное, станет почвой, готовой к принятию доброго семени.

Это четыре состояния души человеческой, и только при одном из них семя Божие даст плод в Жизнь Вечную.

Рассмотрим внимательнее эти состояния нашей души и уразумеем: та ли мы почва, что может принять семя, возрастить и дать плод? Ведь мы уже поняли, что различие в принятии слова Божия зависит не от природы человеческой, но от нашей с вами свободной воли.

Душа человеческая подобна дороге. По ней проходят и ее топчут тысячи людей, сквозь нее непрерывным потоком идут и сменяют друг друга жизненные влияния и впечатления.

Разбойник-телевизор впился в душу и держит ее своей мертвой хваткой до полного ее опустошения. И нет душе отдыха, нет ей покоя.

В этой сумятице в ряду общих впечатлений вдруг проскользнет, промелькнет и слово о Боге, и Божие слово. Но ничто не задерживается в такой душе надолго. Жажда новизны быстро стирает прошлое, и опять пуста душа. А ветры злотворных учений поднимают в ней вихрь злых помыслов, и возбужденные страсти спешат исполнить их.

Вот и распутье в душе человека. Господь посеял семя жизни, но тяжелые ступни торжествующего зла потоптали семя. А то хищными птицами налетят во время чтения или слышания слова Божия рассеянность наша и думы житейские. И опять труд Великого Сеятеля оказался напрасным. Семя похищено, не коснувшись души человеческой. Она осталась пуста, холодно ей в мире и неуютно.

А слово Божие кратко: *Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их* (Мк. 4, 15). И будем ли мы винить теперь Сеятеля? Разве не в нашей власти было сохранить семя? А если диавол и – хищник, то не от нас ли с вами зависит не

дать ему расхитить наше? Трезвитесь, бодрствуйте. *Противостаньте диаволу, и убежит от вас...* (Иак. 4, 7).

Но вот и другая скорбь уже ощутима нами – жалуемся мы, что окамененное нечувствие возобладало душой. Мы страдаем, чувствуя безнадежность этого состояния. И Господь подтверждает наши худшие опасения.

...посянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настает скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 16–17). *...временем веруют, а во время искушения отпадают...* (Лк 8, 13).

Да, в нас горело сердце к Богу. Мы помним радость и окрыленность души, когда пронзило ее великое открытие: есть, есть Бог! И как преобразился в то мгновение мир, как ликовало сердце, первый раз впитывая Божественное евангельское слово. Но вдруг опять поблек мир, и то, что недавно радовало и привлекало к Богу, стало невыносимыми веригами, путами, мешающими жить.

Да, это, дорогие мои, слово Божие позвало нас на подвиг самоотречения, оно потребовало связать нашу самость, наши привязанности, потребовало от нас жертвы любви. Это оно посягнуло на идолов, гнездившихся в душе нашей. Но не всем, оказывается, по силам поднять руку на идола.

И вот какое-то время томится душа, желая совместить несовместимое – служить Богу и велиару одновременно. Но сердце-то уже сделало выбор, и делами жизни нашей Бог

предается нами. И нет дерзновения в душе, нет живой Божией силы в нас, чтобы противостоять искушениям жизни, противостоять диаволу.

И видим мы, как слабо в нас слово истины, как безжизненно, как близко к умиранию. Оказывается, недостаточно только слышать слово Божие, надо еще усилием своей воли, своих трудов принять его как единственный свет истины, единственную жизнь.

А как неприметно, но действенно и верно восстают на нашу жизнь в Боге печали, богатство и сласти житейские. Суетная привязанность к земному и временному, наполняя наше сердце, подавляет в нем действие слова Божия и Божией благодати. Все это Господь называет одним словом – терние, *...и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода* (Мк. 4, 7).

Пристрастие к земному рождает непрестанную, непреходящую заботу о нем. Начинается с заботы приобрести, казалось бы, необходимое, но как быстро этого необходимого становится нужно все больше и больше. И закружилось колесо – умножать любым путем, хранить, боясь лишиться приобретенного. И вот уже густые терния подавили сердце, заглушили в нем все доброе, украли время. А опаснейшие терния духа – страстные влечения, сласти житейские. Корень их находится в глубине человеческого сердца, ибо это тот иной закон в удах наших, который противоборствует закону Божию и пленяет нас закону греховному.

И эти злые корни суть дела плотские, о которых срамно и глаголати и о которых сказано, что делающие такие дела ... *Царствия Божия не наследуют* (Гал. 5, 21).

Во многих это зло начинается так безобидно, с детских шалостей, которые неприметно становятся спутниками жизни, а результат их – погибель еще здесь, на земле, расстройство психики, отсутствие воли. И эти-то злые отрасли, как терния и волчцы, беспрестанно растут и возрождаются даже тогда, когда мы хотим их искоренить, но делаем это недостаточно решительно и беспощадно.

Не забудем, дорогие мои, что мы живем в мире зла, мы немощны, мы склонны ко греху. Грех нас сторожит на каждом шагу. И если мы даем ему свободу, то он, разрастаясь в нас раковой опухолью, пожирает нашу жизнь.

Но как же, как жить нам, чтобы услышать благой глас Отца Небесного: ...*рабе благий и верный...вниди в радость Господа Твоего* (ср.: Мф. 25, 21)? Как стать плодоносной землей, которая, услышавши слово, хранит ...*его в добром и чистом сердце и приносит плод в терпении* (ср.: Лк. 8, 15)?

Надо всецело предаться Богу любовью к Нему и страхом Божиим, а вниманием и молитвой ограждать себя на всякий час, чтобы три первые бесплодные состояния не укоренились в душе. На ниве души должен стоять неусыпный страж – чистая совесть, которая сокрушит окаменение сердечное и предаст плевелы страстей огню ранее, чем они укоренятся в нас и поведут за собой. А огонь Божественной любви и

пламенное желание Вечной Жизни родят молитву, и Божия благодать, привлеченная ею, сделает нас непоколебимо стоящими в истине.

Но нельзя, дорогие мои, ожидать на душевной ниве скороспелости семени истины и добра. Всякое семя взращивается в терпении, в борениях, в потах многие дни и годы, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: *В терпении вашем стяжите души ваши* (см.: Лк. 21, 19). ...*Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него* (Лк. 16, 16).

Тогда обетования Спасителя увенчают труды наши еще в этой жизни.

И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле (Откр. 3, 10). А то, что нынче во всем мире наступила именно такая година, уже ни у кого не вызывает сомнения. «Тайна беззакония», восставшая в свое время на Самого Бога и изгнанная на землю, объявила еще тогда беспощадную – не на жизнь, а на смерть – войну против всего Божественного, в чем бы и как бы оно ни проявлялось:

- на христианское государство, хранящее нравственный уклад народной жизни;
- на Христианскую Церковь, несущую слово Божественной истины;
- на христианскую душу, держащую светоч Божественно-

го учения, как путеводную звезду, в сгущающейся тьме обезумевшего беззаконием мира.

«Предтечи антихриста» уничтожили православную Россию. Они исказили, одурачили чуждыми сатанинскими идеями народ, насаждая их всеми возможными неправдами, лезть, обманом, кровью, вытравливая правду Божию из сознания народного. И вот сегодня на наших глазах происходит едва ли не последний страшный натиск сил ада на то, что еще хранит остатки истинной Божественной духовности, – на Православную Русскую Церковь. Гонение на Церковь стало сейчас скрытым, но тем более изощренным.

Именно теперь, когда объявлена во всем мире вожделенная «свобода», вся наша жизнь показывает, что дана одна-единственная свобода – свобода творить зло, свобода лить кровь, свобода красть, свобода тайно и явно убивать души.

Полк сатанинских сект, оккультных ересей, каббалистика, теософия, астрология, гипноз, кодирование, медитация, экстрасенсорные воздействия на человека, парапсихологические методы «лечения» – калечения людей, которые церковным вероучением определяются как чародейство и колдовство, – нашли сейчас на Родине нашей высоких покровителей.

И все средства массовой информации отданы враждебным Православию разрушительным силам, стремящимся отравить чистые, животворные источники православного

христианского учения, оболгать их, оклеветать и ошельмовать.

Далеко не надо ходить за примерами. Со всех концов нашей Родины задолго до 28 октября стал слышаться вопль верующих: Не конец ли света обещан с телевизионных экранов в этот день? Сообщите. Да и как не смутиться, если авторитетные государственные печатные издания тоже предупреждают о грядущих 28 октября событиях.

А слово Божественной истины говорит: *О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один...* (Мф. 24, 36).

Но русские люди отвратили слух от истины, чтобы верить басням. И притихла в этот день Россия, все напряженно ожидали, как будут развиваться события. Но 28 октября прошло. А 29-го все облегченно вздохнули, еще раз уверившись в справедливости своего безверия.

И ошельмованные заведомой ложью люди теперь уже никогда не захотят прикасаться к истинам веры, живой и действенной. Лжеучители и лжепророки, купившие свободу творить зло на Руси, завершат страшное дело убийства души народной.

Да, «тайна беззакония» довершает сейчас свое сатанинское дело. Мир зримо оскудел Духом Божиим, но стал очень богат духом заблуждения.

Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть... – говорит истина – слово Божие (Мф. 24, 6). И оно

же предупреждает нас о имеющей явиться страшной последней брани, когда *восстанет народ на народ и царство на царство* (Мф. 24, 7).

Это значит, что народ Божий – православные христиане, вписанные в книгу жизни и принадлежащие Царствию Божию, должны повести ее, эту брань, с народом беззакония – богоборцами и лжеучителями, принадлежащими царству тьмы. И народ Божий победит, ибо убьет беззаконников Господь духом уст Своих. Но пока это совершится, терпеть нам надо и явить верность свою избранию Божию.

И сегодня я повторю всем нам призыв нашего современного иерарха, митрополита и старца Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, прозвучавший на весь мир в эти скорбные для России и русского народа дни. И это голос Церкви Православной: «Восстанем же, братия! Будем бдительны. Облечемся в святую ревность, отринем уныние и робость! Приведем жизнь свою в соответствие со спасительным вероучением Православной Церкви. Се, ныне Господь призывает нас поработать на ниве Своей, да не услышим осуждающий глас Его: *...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак будь ревностен и покайся* (Откр. 3, 15–16, 19).

Покаемся же в нерадении своем и поревнуем святому делу Божию – возрождению Дома Пресвятой Богородицы – Православной России!»

*Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому (Кол. 4, 6).
АМИНЬ.*

*Проповеди архим. Иоанна (Крестьянкина). [Псков; Печоры]:
Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2001.*

Архим. Кирилл (Павлов) **(по св. евангелисту Луке)**

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (Евр. 4, 12), – говорит святой апостол Павел в своих наставлениях христианам. Потому-то, придавая большое значение слышанию людьми слова Божия, Господь наш и предложил сегодня нам на страницах Святого Евангелия притчу о сеятеле и семени, в которой изобразил разнообразные действия Своего Божественного слова на сердца человеческие.

Слово Божие, дорогие мои, имеет весьма важное значение для религиозно-нравственной жизни людей. Без Божественного Откровения, заключенного в слове Божиим, мы не имели бы надлежащего понятия ни о Боге и о Его существе и свойствах, ни о мире и о его происхождении и последних судьбах, ни о себе самих – о нашем назначении в жизни настоящей и будущей, о нашей природе.

Без слова Божия мы не могли бы вести и жизни действительно нравственной. Только слово Божие ясно определяет, в чем состоит существо и совершенство истинно нравственной жизни. Слово Божие есть то духовное, Божественное семя, от которого зачинается и возрастает духовный человек.

Как в мире вещественном все – от малой былинки до большого дерева – рождается и вырастает из семени, так и в мире духовном новый благодатный человек, новая тварь во Христе, возрождается в новую жизнь через слышание слова Господня, слова веры и упования, слова спасения и вечной жизни.

Нага и безобразна, мертва и безжизненна сама по себе земля, но бросьте в нее семена, и пусть оросится она дождевыми каплями, согреться лучами солнечными – и она украсится многообразными, золотистыми цветами, плодами и злаками. Мертва и безобразна сама по себе греховная наша природа падшего человека, способная только к взращиванию греховных помыслов, чувств и неправд от самой юности до престарелого возраста. Но, когда посеется на ней живое семя слова Божия и благовествования Христова, когда оросится она благодатью Христовой и согреться дыханием Пресвятаго Духа, тогда возникает в ней новая жизнь. Она облекается, как приятною зеленью, одеждою святых помыслов, благоговейных чувств, намерений и желаний; она благоухает цветами благих дел и плодов Святаго Духа: любовью, радостью, миром, долготерпением, благостью, милосердием, верою, кротостью, воздержанием (см.: Гал. 5, 22–23).

Как вещественное семя, сколь бы ни возрождалось, не теряет присущей ему жизненности, так и духовное семя – слово Божие, которое принес на землю Единородный Сын Божий, – не перестает сеяться в сердцах человеческих во всех

странах мира и возродить в новую, духовную жизнь души людские, и будет оно приносить плоды до скончания мира. Но, к сожалению, не во всех сердцах Божественное слово бывает одинаково плодоносно. И причины бесплодности сей указаны ныне в притче Господней.

Господь говорит, что когда сеятель стал сеять, то иное семя упало при дороге и было потоптано; налетели птицы и поклевали его (см.: Лк. 8, 5). Это означает слушающих слово Божие, но неразумных, к которым вскоре приходит диавол и похищает слово сие из их сердец, чтобы они не уверовали и не спаслись. И, следовательно, первым препятствием к тому, чтобы слово Божие принесло в душе человека плод, являются невнимательность, легкомыслие, рассеянность и беспечность – то, чем страдает большинство людей. Души и сердца таких людей представляют как бы большую дорогу, открытую для всех мимоходящих помыслов, впечатлений, для всех соблазнов и увлечений, для всякого пустословия и суесловия. Такие люди только и живут-то, что интересом к новым впечатлениям, слухам и увлечениям, отчего души их скоро иссушаются и становятся невосприимчивыми к слову Божию.

Проникая в такие души, диавол, или злые люди, или впечатления, не согласные со словом Божиим, уносят, вытесняют из них слово Божие, и так оно бывает бесплодным. Как помочь избавиться от подобного душевного состояния, вернуть душе ее восприимчивость? Пример для этого можно

позаимствовать из жизни земледельца. Когда он захочет обратить дорогу в пашню, то перегораживает ее, чтобы путники не могли по ней ходить, обрабатывает ее и засеивает семенами. И она приносит плоды. Так и рассеянные души пусть оградят себя от суетных увлечений и впечатлений мирских, сосредоточатся на прилежном чтении слова Божия, и оно мало-помалу возродит в них добрые христианские чувства и любовь и станет приносить обильный плод в их истинно христианской жизни.

Иное семя упало на каменистую землю и быстро взошло, но так как не имело корня, то быстро засохло (см.: Мк. 4, 5–6; Лк. 8, 6) Это означает тех, кто с радостью слушает слово Божие, но потом по причине гонения или искушений отпадает и не приносит плодов. Таким образом, второе препятствие к плодоносности слова Божия встречается в душах, подобных каменистой почве, то есть затвердевших от самолюбия или каких-либо других страстей и похотей и не размягченных чувством любви, сострадания, доброго расположения к ближним. Под влиянием самолюбия души эти сделались подобными камню, бесчувственными и бессострадательными, а потому и не способны они к восприятию слова Божия, и оттого не приносит оно в них плода; хотя и слышат они его, но оно в них скоро засыхает.

Чтобы исцелить, исправить такое убожество души, необходимо совершение подвигов самоотвержения и дел любви, общение с людьми милосердными и добродушными, а также

беседы и чтение о делах милосердия, что вкупе и может постепенно смягчить душу и сделать ее отзывчивой, любящей и сердечной.

Иное семя упало в терние, и выросло терние и заглушило семя (см.: Лк. 8, 7). Это означает тех, кто слушает слово Божие, но в ком забота века сего, богатство и наслаждения подавляют его и оно заглушается (см.: Лк. 8, 14). В духовной жизни под тернием разумеются обыкновенно многообразные попечения и заботы, удовольствия, сласти житейские, удовлетворение всяких похотей и влечений страстных. Естественно, что подавляется душа этими влечениями и не может в ней запечатлеться слово Божие.

Чтобы уврачевать свою душу от сего недуга и дать слову Божию приносить в ней плод, необходимо прежде всего исторгнуть из нее заботы житейские, а главную и преимущественную заботу обратить на ее спасение. Искомое сокровище христианина составляет Царствие Небесное. *Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его*, а остальное *все приложится вам* (Мф. 6, 33), – говорит Спаситель. Поэтому прежде всего и надо заботиться о спасении своей души, тогда все остальное само собою приложится и наши заботы о житейском примут второстепенный характер и не будут заглушать в нас добрых ростков слова Божия.

Но, кроме бесплодных душ, есть и души плодоносные. Иное семя упало на почву добрую и принесло плод в тридцать, шестьдесят и во сто крат (см.: Мк. 4, 8). Это означает

тех людей, которые имеют доброе и чистое сердце и слушают слово Божие со вниманием и *приносят плод в терпении* (Лк. 8, 15). Действительно, много нужно им терпения, чтобы сохранить себя от разнообразных искушений, соблазнов и забот мира сего и сохранить свое сердце непорочным и чистым. Но зато и награждаются они обильными плодами.

Дорогие братья и сестры, чтобы слово Божие приносило в нас плод, будем прежде всего внимательно слушать и читать его и размышлять о нем, отгоняя всякую невнимательность и рассеянность и оберегая свое сердце от всякой вредной многопопечительности и суетности. Тогда-то и будем мы приносить *плод в терпении*, на что и Спаситель внимание наше обратил, присовокупив в конце притчи слова: *Имеяй уши слышати да слышит* (Лк. 8, 15).

Если будем мы прилагать старание свое к этому, то, конечно же, милосердный Господь Сам поможет нам очистить наши души от забот житейских и Своею благодатью удобрит их, чтобы мы здесь, на земле, принесли Ему добрые плоды и удостоились за то нескончаемой жизни на Небе, которую *уготова Бог любящим Его* (ср.: 1 Кор. 2, 9).

Аминь.

*Кирилл (Павлов), архим. Ищите прежде Царствия Небесного.
М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры,
2000.*

Притча о плевелах

Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

<...> Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. И, приступив к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там

будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит! (Мф. 13, 24–30; 36–43).

Свт. Иоанн Златоуст

Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища. Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вместе с словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений дьявола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковверных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: *спящим*, говорит, *человеком*. Не малую опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, – впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков – лжепророки, после апостолов – лжеапостолы, после Христа – антихрист. Да и дьявол, пока не видит, к чему можно подделаться, или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не зна-

ет, как приступить к делу. Так и теперь, заметив уже, что *ов сотвори сто, ов шестьдесят, ов тридцать*, он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там дьявол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь – от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели церквей, вводя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли дьяволу легкий путь для совершения своих козней. После того, как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного – невозможно, а без сна произвольного – возможно. Потому и Павел сказал: *бодрствуйте, стойте в вере* (1 Кор. 16, 13). Далее Господь показывает, что дело дьявола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только

по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. *Егда же прозябе трава*, говорит Он, *и плод сотвори, тогда явишася и плевелы*. Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получают полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Дьявола же именует врагом-человеком потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба дьявола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него дьявол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: *хощеши ли?* Что же отве-

чает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнетесь с ними купно пшеницу*. Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенно-го к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: *да не восторгнетесь с ними купно пшеницу*? Или то, что, принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, – говорит Он, – искорените их преждевременно, то лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И заметь, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жателем: соберите первее плевелы, и свяжите их в сно-*

ны, яко сожещи я. Опять приводит на память ученикам слова Иоанновы, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. *Реку жителем,* говорит Господь, *соберите первее плевелы.* Для чего же *первее?* Чтобы ученикам не податься к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. *И свяжите их в снопы, яко сожещи я; а пшеницу соберите в житницу.*

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Блж. Феофилакт Болгарский

В прежней притче Господь сказал, что четвертая часть семени пала на добрую землю, в настоящей же показывает, что враг и этого самого семени, которое пало на добрую землю, не оставил не испорченным по той причине, что мы спали и не радели. Поле – это мир или душа каждого. Тот, Кто сеял, есть Христос; доброе семя – добрые люди или мысли; плевелы – ереси и худые мысли; тот, кто сеял их, дьявол. Спящие люди – это те, которые по лености дают место еретикам и худым мыслям. Рабы же – это Ангелы, которые негодуют на то, что существуют ереси и испорченность в душе, и желают сжечь и исторгнуть из этой жизни и еретиков, и мыслящих дурное. Бог не позволяет истреблять еретиков путем войн, чтобы вместе не пострадали и не были уничтожены и праведные. Бог не хочет умертвить человека из-за злых мыслей, чтобы вместе не была уничтожена и пшеница. Так, если бы Матфей, будучи плевелом, был исторгнут из этой жизни, то вместе была бы уничтожена и имевшая впоследствии произрасти от него и пшеница слова; равным образом и Павел, и разбойник, ибо они, будучи плевелами, не были уничтожены, но им позволено было жить, чтобы после того произросла их добродетель. Поэтому Господь говорит ангелам: при кончине мира, тогда соберите плевелы, то есть еретиков. Как же? В связки, то есть, связав им руки и ноги, ибо тогда никто

уже не может делать, но всякая деятельная сила будет связана. Пшеница же, то есть святые, будет собрана жнецами-ангелами в небесные житницы. Равным образом худые мысли, которые имел Павел, когда преследовал, были сожжены огнем Христа, сбросить который на землю Он и пришел, а пшеница, то есть хорошие мысли, собраны в житницы Церкви.

Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. Отпустил народ тогда, когда он не получил никакой пользы от учения. Ибо Он говорил притчами, чтобы Его спросили. Они же не позаботились об этом и не искали научиться чему-либо; поэтому Господь по справедливости отпускает их.

И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Только об одной этой притче спрашивают, потому что другие казались им более ясными. Под плевелами разумеется все вредное, что растет среди пшеницы: куколь, горох, дикий овес и др. <...> здесь идет речь о ересях, которым позволено быть до конца мира. Если мы будем убивать и истреблять еретиков, подымутся раздоры и войны; а при раздорах и многие из верных, может быть, погибнут. Но и Павел, и разбойник были плевелами, прежде чем уверовать, но они не были истреблены в то время ради имеющей произрасти в них пшеницы, ибо в последующее время они принесли Богу плод, а плевелы пожгли огнем Святого Духа и пылом своей души.

Так как солнце кажется нам сияющим более всех звезд, поэтому Господь сравнивает славу праведников с солнцем.

Но они будут сиять ярче солнца. Так как Солнце правды есть Христос, то праведники просветятся тогда подобно Христу, ибо они будут, как боги.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Свт. Филарет Московский

Под руководством притчи Евангельской «о плевелах» нечто говорить хочу: призовем в помощь верховнаго Сеятеля добраго семени, чтобы не плевелы посеялись чрез слово сие, но чтобы в ничтожных плевелах наших обрелось зерно добраго семени, способное прозябнуть в мягкой земле послушных сердец, и принести плод для жизни вечной.

А на что бы и говорить о плевелах? – подумает кто-либо. Призванному сеять доброе семя не лучше ли и заниматься только добрым семенем, а не плевелами негодными?

И я желал бы поступить таким образом. <...> О если бы я мог не говорить о делах человеческих, суетных и погибельных, а только о делах Божиих, благих и спасительных! Дерзаю догадываться, что и Сам Творец и первоначальный Истолкователь притчи о плевелах не желал бы говорить о плевелах. Но что делать? Если есть опасность, что тогда, как сеется доброе семя, родятся и плевелы; или, если тогда, как посев уже взошел, действительно явились и плевелы: как в сих случаях не заниматься и плевелами? Как не подумать, что с ними делать?

Рабы, не знающие таин небеснаго земледелия, хотели бы тотчас полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но Премудрый Господин поля не позволяет. *Ни: да некогда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пианицу*

(Мф. 13, 29).

Что же, однако, делать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы? – О сем думаю я извлечь некоторое наставление из рассматривания того, что такое плевелы, и откуда они взялись на поле.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём? Откуда убо имать плевелы? Что такое плевелы? В изъяснение сего Сам Творец притчи плевел сельных глаголет: *плевелы суть сынове неприязненнии*; или, по ближайшему преложению изречения Господня, как оно написано у евангелиста Матфея на греческом: *плевелы суть сынове лукаваго*. В сем изъяснении не трудно приметить, – и приметить сие нужно для дальнейшего разумения, – что притча под именем плевел заключает некоторых человеков, не по существу человеческому: подобно как и в другом изъяснении, что *доброе семя, сии суть сынове царствия* (см.: Мф. 13, 38), наименования доброго семени и сынов царствия относятся не к существу человеческому. По существу своему все человеки равно происходят первоначально от Бога Творца, последовательно от подобных себе человеков родителей: в жизни разделяются они на доброе семя и плевелы, становятся сынами царствия, или сынами лукаваго. *Сеявший доброе семя* (Мф. 13, 37) не новое поколение на земли посеял; но в том поколении, какое нашел в мире, посеял сынов царствия, и распространил их во все поколения мира. Из сего должно заключить, что доброе семя означает дух и свойство сынов цар-

ствия; почему и сказано, согласно с сим изъяснением, в изъяснении другой притчи, что *семя есть слово Божие* (Лк. 8, 11); поелику от слова Божия происходит в человеках дух и свойство сынов царствия. А посему и в противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означают дух и свойство сынов лукаваго в некоторых человеках. Как развитие добраго духовнаго семени в человеке есть истина веры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желание, здравое слово, праведное и святое дело, духовная, небесная, Ангельская, Христова жизнь: так напротив прозябение душевных плевел есть ложь неверия или суеверия, зло нелюбления, ложная сила самонадеяния или бессилие отчаяния, нечистая мысль, порочное желание, не верное или не целомудренное слово, неправедное и беззаконное дело, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или, – тоже одним словом, – не христианская.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Ты сеял на земли то, что принес на нее с Собою с небес: а принес Ты с Собою на землю дух Божественный, свойство небесное. Селом Твоим, или полем Твоим были сердца избранных человеков; Ты посеял в них слово Божие; согрел оное в них теплотою Духа Святаго; напоил Твоею Божественною кровию. Оно прозябло, процвело, принесло плод в жизнь вечную, *ово сто, овоже шестьдесят, ово тридесять* (Мф. 13, 23), в апостолах, в мучениках, во святых всякаго рода; чрез них засеяло страны, народы, веки. Сверх сего, чтобы семя Твое, для

поля Твоего, сохранить всегда чистым, и никогда неоскудным, Ты завещал *наполнить гомор от манны сея в скров в роды наша* (Исх. 16, 32), – наполнить, то есть, определенную меру священных Писаний словом Божиим, так, чтобы, как некогда, из Божественных рук Твоих, от немногих хлебов, брали и насыщались тысячи алчущих, но количество хлеба от того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, из немногих Книг Божественных, тысячи тысящ научились, но тайны, и откровения таин премудрости Твоя от того не истощались, а непрестанно становились обильнее.

Господи! Коль «доброе семя, и с каким премудрым попечением о его доброте и чистоте, сеял еси на селе Твоем»!

Откуда убо имать плевелы? На Твоем, Господи, поле, откуда взялись плевелы? Если бы они явились там, где ничего не сеяно; или если бы злое растение возшло там, где злое и семя сеяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблуждения и пороки: чего иного и ждать от сей земли дикой и не возделанной? Но на поле Христианства, которое возделано крестом Богочеловека, насеяно Словом Божиим, откуда плевелы языческие? Откуда заблуждения ума между вами, ученики Слова Божия? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сии не легкие, но не бесполезные вопросы, есть у нас легкие, но весьма вредные ответы. Заблуждения, говорят, от ограниченности человеческой; пороки от слабости человеческой. Прекрасное родословие заблуждений и пороков, –

прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблуждениям, и погрязшие в пороках, люди, которых Евангельская притча называет «сынами лукаваго», могли уверять себя и других, что они не худаго рода! Невинное дело быть ограниченным; не стыдно признавать слабость сил человеческих: а из сего заключают, что и быть суеверным или безверным также невинное дело; что и в пороках пребывать также не стыдно.

Заблуждения от ограниченности? Полно, правда ли, что ограниченность есть мать заблуждений? Ограниченность есть неплоды; она не раждает ничего; потому что и сама не есть нечто, а только предел, край, недостаток существенности. Возьмем в пример способность зрения. Глаз твой ограничен: по сей причине удаляющийся от тебя предмет в известном расстоянии ты перестаешь видеть, и более ничего. Но если глаз твой вводит тебя в заблуждение, представляя окружающие тебя предметы в ложном движении кружащимися и падающими, от чего и ты падаешь: напрасно стал бы ты искать сему причины в ограниченности глаза; причины сему должно искать в твоём головокружении, происшедшем от употребления одуряющего зелия, или вина в излишестве. По сему рассуждай и о духовном зрении ума. Ум твой ограничен: по сей причине удаленные от мысленных взоров его предметы для него неизвестны, или непонятны, и более ничего. Но если в уме твоём оказываются понятия, которые противны естественному, всеми здравомыслящими согласно примечаемому и признаваемому порядку вещей, которыми

ты думаешь всю вселенную обратить вверх дном, но вместо того низвергаешь сам себя в нелепости: можно ли сие изъяснить ограниченностию, которая не есть начало действующее, и которая есть недостаток, общий всем человекам? Не должно ли, напротив, по необходимости производить сие от упоения нечистым и бродящим вином, или одуряющим зелием такой мудрости, которая хотя по области явления ея называется земною и человеческою, но которой источник хуже, нежели чтонибудь просто земное, которой корень ниже человечества?

Пороки от слабости! Поэтому, чтобы добродетельным быть, надобно быть исполином! А мы, напротив, как из священных сказаний знаем, что когда «исполини бяху на земли», тогда «умножишася злобы человеков на земли» (ср.: Быт. 6, 4–5); так и ныне видим не редко, что люди, и крепостию духа более других хвалящиеся, и менее других имеющие причины жаловаться на телесныя слабости или недостатки, впадают в пороки более тех, которые и телесным немощам и недостаткам более других подвержены, и отличной крепости духа себе не приписывают. Пороки от слабости! А напротив, даже язычник заметил, что «мы тогда бываем лучше, когда немощнее». Пороки от слабости! Согласимся, что и сие бывает в некоторых случаях: например, когда голодный нищий крадет кусок хлеба у богатаго. Но когда напротив того видим, что богатый, не только отказывает в куске хлеба нищему, но и грабительствует, и разоряет бедных,

между тем как есть нищие, которые сохраняют бескорыстие: как можно изъяснить сие одною слабостию человеческою? Не видны ли здесь две противоположныя силы: в одном сила добра может быть выше, нежели человеческая, в другом сила зла, без сомнения, хуже, нежели человеческая?

Перестанем обманываться; отложим о происхождении наших заблуждений и пороков такая мнения, которые способны только уполномочивать заблуждения и пороки; не будем почитать плевел обыкновенным порождением и естественною принадлежностью пшеницы. И если не можем догадаться, откуда они подлинно: то спросим о сем Господа, и от Него примем вразумление. *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы?* – Он отвечает: *враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28), – *спящим человеком прииде враг его, и всяя плевелы посреде пшеницы, и отыде* (Мф. 13, 25); – *враг всяевый их есть диавол* (Мф. 13, 39).

Мне кажется, что если бы мы чаще и с большею верою думали о сем происхождении наших душевных плевел: то не так легко попускали бы им раздражаться и разрастаться. *Враг всяевый их есть диавол*: он посеял их в легкомысленных или зломысленных сочинениях, в изнеженных песнях, в соблазнительных зрелищах, в вольном обращении, в нескромных и не постоянных обычаях. За сим враг скрывается: «всяя плевелы посреде пшеницы, и отыде». Ты думаешь, что позволяешь себе невинныя, только не совсем стро-

гия, удовольствия зрения, слуха, воображения, чувствования: но будь внимателен; сквозь сии удовольствия сеются плевелы лукаваго, адское семя внедряется в сердце; восчувствуй отвращение; убойся; восприими осторожность.

Осторожность: ибо притча говорит, что *спящим человеком придет враг*. Что значит здесь сон, сего Творец в притчи не изъясняет: но без опасения погрешности полагать можно, что сон значит здесь беспечность и недостаток бдительнаго внимания к себе самому, и к своим действиям. Спят человеки духовно, когда беспечно смежают очи ума, и не стараются взирать на свет истины Евангельской и закона Божия, чтобы непрестанно им просвещаться, и просвещать пути жизни своей; когда, подобно во сне мечтающим, не управляют мыслями своими, не обуздывают желаний своих, попускают воображению своему блуждать по предметам чувственным и суетным. Так спят они: а враг между тем не дремлет; он крадется во тьме забвения о Боге и законе Его, и сеет в пшенице плевелы, во сне человеком мечты адския, в легкомысленном нерадении о добродетели и спасении, мысли нечистыя, желания греховныя, дела незаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изощрай выну око твое ко свету Божию; ходи в присутствии Божиим; смотри бдительно не только за делами, но и за желаниями и за помышлениями своими; просвещайся внутренно Словом Божиим и молитвою, дабы и во время сна телеснаго заря духа не угасала в сердце твоём, и не допускала до тебя врага темнаго,

сеющаго плевелы.

Сынове царствия, в которых посеяно семя доброе! Притча сказует, что плевелы становятся виднее по мере возрастания и созревания пшеницы, по мере приближения жатвы. О, как уже ныне видны плевелы на ниве Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первее плевелы и свяжите их в снопы* (Мф. 13, 30), – плевелы уже начинают сами себя готовить к последнему связанию в снопы для сожжения: люди, которые предавались нечестию и беззакониям каждый по себе, время от времени более и крепче связываются в сообщества, в скопища, в соумышления. Да не спим, братия, но да бодрствуем; и да стережем и возвращаем каждый в сердце своем зерно духа, которое Божественный Сеятель посеял в нас крещением и поучением Евангельским.

А вы, небесные жатели, Ангели Божии! Прежде нежели явитесь пред нами с трубным гласом, возвестить жатву, возделенную и страшную, глаголите к нам тихим гласом кроткого возбуждения к покаянию и бдению духовному, «да не когда уснем во грехе в смерть». «Ополчайтесь окрест» нас, и избавляйте нас от врага, сеющаго в нас плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

Филарет Московский (Дроздов), свт. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 5. М.: «Типография А. И. Мамонтова», 1885.

А. П. Лопухин

Другую притчу предложил Он им, говоря: *Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем...*

Когда и кому была сказана эта притча? Одним ли ученикам или же и народу? Наиболее вероятное предположение то, что в учении народу был перерыв, пока Спаситель говорил с учениками, объясняя им притчу о сеятеле. А затем опять заговорил с народом. <...>

Относительно смысла [слова «плевелы»] высказано было много мнений. По Цану это, по-видимому, семитическое слово, обозначающее похожую на пшеницу сорную траву. <...> Но достоверного ботанического определения этого слова еще не сделано. Вероятно, это <...> какой-нибудь вид спорыньи, которая появляется не только во ржи, но и на многих других растениях, между прочим, и на пшенице. <...> Плод этого растения «более горек, – говорит Томсон, – и когда его едят отдельно или даже размешанным в обыкновенном хлебе, он причиняет головокружение и часто действует, как сильное рвотное. Кратко – это сильный снотворный яд, и должен тщательно провеиваться и отделяться от пшеницы, зерно за зерном». Прежде, чем созреть, это растение так сильно походит на пшеницу, что его часто оставляют до тех пор, пока она не созреет.

Еще древние толкователи рассуждали о том, как исполнить эту заповедь Спасителя относительно плевел в человеческой жизни. Никогда, говорит Иероним, не следует иметь общения с теми, которые называются братьями, но суть прелюбодеи и блудники. Если запрещается выдергивание до самого времени жатвы, то должны ли быть извергаемы некоторые из нашей среды? На этот вопрос отчасти отвечает Августин: если кто-нибудь из христиан, живущих в лоне церкви, будет уличен в каком-нибудь грехе, который навлекает на него анафему, то она пусть произносится только тогда, когда нет опасности в появлении раскола. Если грешник не покается и не будет исправлен покаянием, то сам, может быть, выйдет и собственным хотением отложится от общения церковного.

Лопухин А. П. Толковая Библия. Новый Завет. Т. 1–2. М.: «Даръ», 2008.

Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)

Уже много раз проповедовал я вам о великом празднике Преображения Господня на горе Фаворе, но праздник этот так велик, что всякая новая мысль о нем заслуживает отдельной проповеди.

В тропаре Преображения Господня слышите вы слова: ... *да воссияет и нам, грешным Свет Твой присносущный, молитвами Богородицы. Светодавче, слава Тебе.* Надо ли понимать эти слова так, что мы просим Господа Иисуса Христа, чтобы для нас воссиял Его Божественный Свет, чтобы мы только увидели этот Свет, были зрителями Его?

О нет! Мы ждем и просим гораздо большего; мы ждем не только лицезрения Света Божественного в Господе Иисусе Христе, но просим, чтобы этот Свет воссиял и в нас, грешных, а не только был созерцаем нами в Господе Иисусе.

Что дает нам право желать этого счастья и просить о нем? Прежде всего слова Самого Господа Иисуса Христа, которые читаем в тринадцатой главе Евангелия от Матфея.

Господь объяснял Своим апостолам непонятную им притчу Свою о плевелах, выросших вместе с пшеницей. Он сказал им: *Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть*

кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их (Мф. 13, 37–43).

Вот эти последние слова Господа нашего Иисуса Христа запомните: *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.* Сами будут сиять Божественным светом, подобным тому, каким воссиял и преобразился Господь Иисус Христос. Неверующие в Бога и ни во что духовное знают только материальный свет небесных светил, электрических ламп и огня. А мы, верующие, почитающие за истину Священное Писание, знаем из книги Исход, второй книги Святой Библии, что нестерпимым для глаз человеческих светом сияло лицо великого пророка Моисея после сорокадневного непосредственного общения его с Богом на горе Синае и получения от Него каменных скрижалей с написанными на них перстом Божиим десятью заповедями.

Знаем и об очень близком от нас событии в Саровской пустыни, где жил и подвизался великий преподобный Серафим. У него часто бывал любимый им и живший по соседству помещик Мотовилов, и однажды неожиданно сказал великий Серафим Мотовилову: «Взгляни на меня». И со страхом увидел Мотовилов, что внезапно лицо Серафима засия-

ло небесным светом, а потом вскоре приняло свой обычный вид. Как видите, этот великий праведник мог даже являть по желанию свой небесный свет и опять скрывать его.

Ко всем верным христианам обращено слово Господа Иисуса Христа: *Вы – свет мира* (Мф. 5, 14). Не только архиерею по облечении его в священные одежды возглашаются слова Христовы: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16), – они относятся и ко всем христианам, всем сердцем возлюбившим своего Спасителя и Бога.

Будем же, братья и сестры мои, жить так, чтобы во тьме окружающего нас неверия светить хотя бы слабым светом своих душ, а по смерти своей воссиять как солнце в вечном Царстве Отца нашего Небесного. В этом да поможет нам ныне воссиявший небесным светом на горе Фаворе Господь и Бог наш Иисус Христос. Аминь.

Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Проповеди. Т. 2. Симферополь, 2004.

Архиеп. Аверкий (Таушев)

Царство Небесное, т. е. земная церковь, основанная небесным Учредителем и приводящая людей к небу, «подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем». «Спящим же человеком», т. е. ночью, когда дела могут быть невидимы никем – здесь указывается на хитрость врага – «прииде враг его и всяя плевелы», т. е. сорные травы, которые, пока малы, всходами своими очень похожи на пшеницу, а когда вырастут и начинают уже отличаться от пшеницы, то выдергивание их сопряжено с опасностью для корней пшеницы. Учение Христово сеется по всему миру, но и диавол своими соблазнами сеет зло среди людей. На обширной ниве мира живут поэтому вместе с достойными сынами Отца небесного (пшеницею) и сыны лукавого (плевелы). Господь терпит их, оставляя их до «жатвы», т. е. до Страшного Суда, когда жители, т. е. Ангелы Божии, соберут плевелы, т. е. всех делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную, на вечные адские муки; пшеницу же, т. е. праведников, Господь повелит собрать в житницу Свою, т. е. в Царствие Свое небесное, где праведники воссияют, как солнце.

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Прот. Виктор Потапов

В притче о сеятеле и семени речь шла о том, как люди по-разному принимают Слово Божие, и как это слово по-разному воздействует на людей. В следующей притче о пшенице и плевелах Христос говорит о том, что в четвертой части семени, павшей на добрую землю, враг человеческого спасения делает все возможное, чтобы испортить то, что вырастает на этой доброй почве. Притча о пшенице и плевелах чрезвычайно актуальна для наших дней, когда люди задаются вопросом о происхождении зла в мире, недоумевают о соблазнах, расколах и отпадениях, которые встречаются в самой Церкви. <...> Сказав эту притчу, Христос разъясняет апостолам и нам, что «посеявший доброе семя» есть Сын Человеческий, то есть Он Сам; «враг Его» – диавол, сеятель плевел; «поле» – мир, по которому распространится Его вселенская Церковь; «доброе семя» – сыны Царства, чада Церкви, в которых благодатное семя слова Божия пустило корни, проникло в сердце, сделало их Божией пшеницей, готовой для собирания в небесную житницу, т. е. для царствия Божия; «плевелы» – сыны лукавого, то есть всякие лжеучители, соблазнители, через которых сатана делает свое лукавое дело.

Отцы Церкви учат, что диавол во всем противодействует Христу <...>, сеет в умах людей гибельную ложь и заблуждения, а в их сердцах сеет разные пороки, прикрашивая все

это подобиями истины и добра. По этой причине Христос и называет таких людей плевелами, которые по внешнему виду походят на пшеницу. «Диавол, – пишет св. Иоанн Златоуст, – пока не видит, к чему подделаться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Посему и теперь, заметив уже, что посеянного и укоренившегося не мог похитить, ни заглушить, ни пожечь, вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена».

«Диавол сеет плевелы, – говорит Господь, – спящим человекам». Другими словами, диавол сеет свои плевелы тайно, незаметно, когда недостаточно хранят приставленные к ниве стражи, то есть пастыри Церкви, когда и сами верующие живут беспечно, слишком доверчиво слушают самозванцев, лжеучителей. <...> Христос, конечно, знает об этом и потому зовет Своих последователей духовно бодрствовать, постоянно быть на страже. <...> Хозяин посеял добрый плод, а ночью враг посеял там плевелы. Когда появились первые всходы, он призвал работников и показал им, что вместе с пшеницей растут плевелы. Увидев неладное на поле, слуги спросили господина: «Как это могло быть, ведь ты доброе семя сеял?» Слуги домовладыки предлагают вырвать плевелы, чтобы росла только полезная пшеница. Хозяин решительно отклонил их предложение, объяснив, что вырывая плевелы, можно повредить пшеницу, ибо плевелы очень похожи на пшеницу. Ведь можно перепутать и вместе с плевелами вырвать колос пшеницы, так как плевелы и пшеница растут ря-

дом, вместе, корни сплелись и может выйти так, что, вырывая с корнем плевел, повредишь корень колоса пшеницы, и он погибнет.

Эта подробность в притче о пшенице и плевелах чрезвычайно важна и актуальна. В мире мы видим много беззаконий и различных безобразий. Да и не только во внешнем мире, но и внутри церковной ограды далеко не все благополучно. Часто, при виде возмутительных поступков злых, безнравственных людей, говорят: «Господи! Почему Ты не наказываешь теперь же злых? Зачем Ты даешь им возможность пользоваться всеми благами мира? Зачем они теснят, угнетают добрых?» На все эти вопросы Христос отвечает в притче: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; настанет время жатвы, т. е. день страшного суда, и Я скажу жнецам, Ангелам Своим: соберите прежде плевелы, чтобы сжечь их; и соберут делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов. А пшеницу уберите в житницу Мою; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (ср.: Мф. 13, 36–43).

Многие чада Церкви, представляя, что ревнуют об истине, о чистоте Церкви, призывают с корнем вырвать плевелы. Если приняться ревностно уничтожать всякое зло внутри Церкви, можно, не разобравши, вместо плевел, вырвать колос пшеницы и повредить самому себе. Господь решительно запрещает такой способ борьбы со злом, ибо никто, кроме единого Бога Сердцеведца, не может безошибочно отличать

лицемера от праведника. Кроме того, многие из грешников еще могут перемениться, покаяться и сделаться праведниками. Блаженный Августин по этому поводу говорит: «Многие исправляются, как Петр; многие терпимы, как Иуда; многие не обличаются до пришествия Господа, Который осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные помышления».

Действительно, если обратиться к житиям святых, мы найдем многих праведников, которые в течение своей жизни испытывали падения. В момент падения можно было бы принять их за плевелы. Отцы учат, что наличие искушений в мире, дела лукавых, очищают душу, помогают ей яснее видеть свои немощи, глубже чувствовать свою виновность и мало-помалу ослаблять в себе силы греха. Золото очищается от примеси огнем. Смешение людей добрых и злых в мире доставляет добрым тысячи случаев усовершенствоваться в добре, приобретать терпение, кротость, смирение, незлобивость, любовь. Жизнь праведников на земле тесно связана с жизнью грешников, и узами родства, и сходством расположении души, и внешними обстоятельствами, так что потрясение в участи одних не обходится без потрясения в жизни других. Например, недостойный отец, пьяница или развратник, может заботливо растить своих благочестивых детей; благополучие честных рабочих может находиться в руках корыстного и грубого хозяина; неверующий правитель может оказаться мудрым и полезным для граждан законодателем. Если бы Господь Бог без разбора карал всех грешни-

ков, то нарушился бы на земле весь строй жизни.

Христос не хочет, чтобы уничтожались в церковной ограде плевелы, находящиеся рядом с пшеницей еще и потому, что желает научить нас терпению, а грешникам показать Свое милосердие. Св. Иоанн Златоуст говорит, что это не значит, что Господь не запрещает останавливать лжеучителей. Нужно с ними бороться, но бороться достойными, евангельскими методами. Но ни в коем случае нельзя в этой борьбе прибегать к насилию как это, к великому сожалению, иногда имело место в церковной истории. Святые Отцы предостерегают от чрезмерной ревности, говоря: «Ревность, хотящая победить всякое зло, сама есть великое зло», ибо может принести много вреда. Совесть христианина не должна гореть тем злом, которое он видит. Он призван укротит зло в самом себе.

<...> Христос говорит: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы, а жатва есть кончина века.* Блж. Августин поясняет: «Итак, Церковь до конца века будет совмещать в себе добрых и злых, без вреда для добрых. Если и оказываются в Церкви плевелы, то это не препятствует нашей вере и любви; усматривая плевелы в Церкви, мы не должны от нее отпадать. Нам должно только стараться самим быть пшеницею, чтобы, когда пшеница будет собираема в житницы Господа, наши труды и попечения не остались бесплодными». <...> И в XX веке сколько людей было вдохновлено примером стойкости новомучеников и исповедников Российских!

Святые Отцы уподобляют Церковь Христову Ноеву ковчегу, в котором вместе с чистыми были и нечистые животные. Церковь уподобляется еще и неводу, в который вместе с рыбой попадают и разные гады. Разные люди – и грешники и праведники – составляют Церковь, Тело Христово. Есть в ней люди, достигшие вершин духовного совершенства, а есть духовные младенцы. Новоначальных надо беречь, а не соблазнять и отталкивать, как немощных членов Церкви, «ревностью не по разуму».

Потапов Виктор, прот. Евангельские притчи. Вашингтон, 1995.

Притча о горчичном зерне

Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13, 31–32).

И сказал [Христос]: чему уподобим Царствие Божие? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные (Мк. 4, 30–32).

Блж. Иероним Стридонский (по св. евангелисту Матфею)

Господь сидел на корабле, а толпа стояла на берегу: она была вдали, а ученики слушали, стоя ближе. Он предложил им и другую притчу подобно богатому домохозяину, который подкрепляет приглашенных гостей различными яствами, чтобы каждый соответственно свойствам своего чрева получил соответственное питание. Поэтому и о предыдущей притче [евангелист] сказал не: *другую*, а: *иную*, ибо если бы он обозначил ее словом, другую, то мы не могли бы ожидать третьей; но он сказал *иную*, чтобы последовали затем еще многие другие.

Да не будет тягостно читателю то, что мы предлагаем притчи в целом виде; потому что то, что таинственно, должно быть изъяснено гораздо полнее, чтобы чрезмерной краткостью не вводить большее значение сравнительно с тем, что изъясняется. Царство Небесное это есть проповедование Евангелия и уразумение Писания, ведущее к жизни, а также и то, о чем говорится иудеям: *Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его*. Итак, этого именно рода царство подобно зерну горчицы, которое человек взял и посеял на поле своем. Под человеком, который сеет на поле своем, весьма многими понимается Спаситель, потому что Он сеет в душах верующих. Другие пони-

мают самого человека, сеющего на поле своем, то есть в себе самом и в сердце своем. Кто есть тот, который сеет, как не наши дух и чувство, которые, принимая семя проповеди и согревая посеянное влагой веры, дают ему силу пустить росток на поле груди своей. Учение евангельское есть самое краткое из всех учений. На первый взгляд оно даже как будто не имеет возможности внушить доверие к своей истинности, проповедуя, что Бог есть человек, что Бог умер, и проповедуя о соблазне [для всех] – Кресте. Сравни учение этого рода с учениями философов, с книгами их, с блестящим красно-речием, с изысканностью слога их речей, и ты увидишь, насколько меньше прочих семян посева Евангелия. Но когда те учения возрастут, то не обнаруживают в себе ничего затрагивающего, пылкого, жизненного; в них вскипает только вялое, изможденное, слабое и быстро производит злак, траву, которая быстро же и засыхает, и пропадает. А эта проповедь [то есть проповедь Евангелия], кажущаяся вначале незначительной, когда она посеяна, – в душе ли верующего, или во всем мире, – не превращается в злак, а вырастет в целое дерево, так что птицы небесные, – под которыми мы должны подразумевать или души верующих, или силы, непрестанно занятые служением Богу, – приходят и живут в ветвях его. Под ветвями евангельского дерева, вырастающего из зерна горчицы, мне кажется, нужно понимать различие догматов, на которых успокаивается каждая из вышеуказанных птиц. Возьмем и мы крылья голубя чтобы, возно-

сясь в высоту, мы могли жить на ветвях этого дерева и устраивать себе гнездышки из учений, и, убегая земного, спешить к небесному. Читая о зерне горчичном, меньшем (из) всех зерен, и о том, что ученики говорят в Евангелии: *Господи, умножь в нас веру* (Лк. 17, 5), а также и ответ Спасителя им. *Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас* (Лк. 17, 6), многие думают, что или апостолы просили малой веры, или Господь был в сомнении относительно их малой веры, хотя, как известно, апостол Павел веру, сравненную с зерном горчицы, считал величайшей. В самом деле, что говорит он? *Если я буду иметь всю веру, так что мог бы и горы переставлять, а любви не имею, то это для меня нисколько не полезно* (ср.: 1 Кор. 13, 2–3). Таким образом, то, что по слову Господа совершается верой, подобно горчичному зерну, по учению апостола, может осуществиться только верой во всем ее объеме.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)

Горчи́чное зерно – это проповедь и апостолы. Ибо, хотя их, по-видимому, и немного было, они объяли всю вселенную, так что птицы небесные, то есть те, которые имеют легкую и взлетающую ввысь мысль, отдыхают на них. Итак, будь же и ты горчи́чным зерном, малым по виду (ибо не должно хвалиться добродетелью), но теплым, ревностным, пылким и обличительным, ибо в таком случае ты делаешься больше «зелени», то есть слабых и несовершенных, сам, будучи совершенным, так что и птицы небесные, то есть Ангелы, будут отдыхать на тебе, ведущем ангельскую жизнь. Ибо и они радуются о праведных.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2007.

Евфимий Зигабен (по св. евангелисту Матфею)

Зерну горчичному уподобил проповедь (евангельскую): малозаметная и простая по выражению, она настолько возросла, что и аттическая, возбуждавшая удивление своими умствованиями, философия греков была закрыта величием выраженного просто Евангелия.

Царством Небесным здесь называет учение веры, как залог Царства Небесного. Уподобляет же его зерну горчичному, потому что оно сеялось в кратких и немногих словах, так как ученики вначале не могли вместить большего. Поэтому и пророк некогда назвал его сокращенным словом (см.: Ис. 10, 23). Но будучи возделано, оно возрастает напоением Божественного Духа, превосходит всякое другое учение и является выше всех. Эту притчею Господь предсказывает возрастание проповеди (евангельской). О человеке сеявшем и поле мы сказали уже в предыдущей притче. Полем называется мир и по той еще причине, что в нем сеется и возделывается разумное семя.

Притча обозначает и рассказ: *положил еси нас в притчу во языцех* (Пс. 43, 15); иногда – загадочную речь: *уразумевает жепритчу и темное слово* (Притч. 1, 6); и – подобие, как предлагаемые здесь притчи; кроме того – иносказательную речь: *Сыне человекь, повеждь повесть и рцы притчу на*

дом Израилев... орел великий, великокрылый..., называя орлом царя ассирийского (Иез. 17, 2–3); наконец – означает и образ, когда, напр. ап. Павел (Евр. 11, 19) говорит об Аврааме, что он, приняв обетования, принес в жертву своего единокровного сына; *тем же того и в притче прият*, т. е. в образе <...> семя, самое малое по своему количеству, но самое большее по качеству, или силе; посему оно и возрастает в величину. По подобию этого семени и ученики, будучи небольшим стадом, возросли в бесчисленное.

Это сказал для доказательства величины и крепости его. Некоторые под ветвями учения веры разумеют верующих людей, в которых обитают птицы неба, т. е. Ангелы, охраняющие их. Другие же говорят, что ветви – это добродетели, которые обыкновенно возвращает учение веры; птицы же – это возвышающиеся над земными делами, крыльями ума поднимающиеся на высоту знания и устремляющиеся на небо.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

Свт. Василий Кинешемский (по св. евангелисту Марку)

Жизнь есть вечное движение. Она никогда не стоит.

Духовная жизнь также движется постоянно: или вверх, или вниз, или к добру, или ко злу, но стоять она не может. Это похоже на плавание в лодке вверх по реке. Вы двигаетесь вперед, лишь пока гребете. Как только вы сложили весла, вас сейчас же начинает сносить назад.

Но если вы добросовестно работаете над собой, стараясь жить по заповедям Божиим, и, пользуясь евангельским светом, пытаетесь исправить свои недостатки, то незаметно для вас в вашей душе растет Царство Божие, то есть то высшее состояние нравственного совершенства, когда Господь начинает безраздельно царствовать в душе над вашими мыслями, желаниями и чувствами. Как растет это семя Царства Божия, по каким законам, — человек этого не знает и часто даже не замечает, пока не определится результат роста и семя не превратится в полновесный колос. Но когда вырастает семя, оно заполняет всю душу, вытесняя все лишнее, ненужное. Так зерно *горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков* (Мк. 4, 31–32).

Последний эпизод разбираемого евангельского отрывка в характерном для святого Марка стиле рисует Господа как

властного Царя стихий, Которому повинуются и море, и ветер, и буря.

Василий Кинешемский, свт. Беседы на Евангелие от Марка.

М.: «Сибирская благовонница», 2010.

Сщмч. Григорий Шлиссельбургский **(по св. евангелисту Марку)**

Зародыш Божьего Царства в душе человека всегда ничтожен, совсем ничтожен, мал, как горчичное семя. Это потому, что душа в миру обуревается стихией мира, отличной от стихии Божьей, и вся она заполнена мирскими вещами, а Божье семя в ней теряется, и оно мало и ничтожно, как горчичное зерно. А когда это малое семя тобою будет укреплено и ты станешь на сторожку его малого побега и Господь Своей творческой силой будет творить в тебе обновленного человека (ср.: Мк. 4, 26–28), тогда малое семя пойдет в бурный рост (ср.: Мк. 4, 24–25), и быстро, быстро раскинет ветви, и будет глушить сорные травы, и захватит все пространство, весь мир души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.